БК
20
К-30

Кауфман А,
Пересиление (мечты и дейст-ть)
М, 1906

А. № 8.

Изданіе „Народное право".

БК
20
К30

А. А. Кауфманъ.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ.

МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера
1906.

92174

Библіотека „Свободная Россія".

Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова.

Изданіе Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой.

№ 1. Германія въ 48-мъ году. Составилъ М. Н. Андреевъ. Ц. 20 коп. — **№ 2. М. М. Богословскій.** Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Ц. 10 коп. — **№ 3. С. Ѳ. Фортунатовъ.** Основныя начала англійской конституціи Ц. 10 коп. — **№ 4. И. Н. Игнатовъ.** Печать во Франціи въ прошломъ и настоящемъ. Ц. 20 коп. — **№ 5. П. Н. Милюковъ.** Демократизмъ и вторая палата. Ц. 10 коп. — **№ 6. И. А. Петровскій.** Всеобщее избирательное право и системы выборовъ. Ц. 10 коп.— **№ 7. А. Н. Максимовъ и С. Ѳ. Фортунатовъ.** Одна или двѣ палаты? Ц. 10 коп. — **№ 8. В. Г. Короленко.** Трагедія Ковалева и нравы военной среды. Ц. 10 коп. — **№ 9. А. С. Пругавинъ.** Вопіющее дѣло. Ц. 10 коп. — **№ 10. И. Н. Игнатовъ.** Изъ исторіи рабочаго движенія во Франціи. Ц. 10 коп. — **№ 11. Проф. М. Н. Соболевъ.** Экономическіе интересы и группировка политическихъ партій въ Россіи. Ц. 10 коп.— **№ 12. Д. Самойловъ.** Революція 48-го года во Франціи. Ц. 15 коп. — **№ 13. Къ исторіи декабристовъ.** Ц. 10 коп. — **№ 14. Бѣлорусcовъ.** Изъ пережитаго. Ц. 20 коп. — **№ 15. М. М. Богословскій.** Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII в. Ц. 15 коп. — **№ 16. А. С. Бѣлевскій.** Земельный вопросъ и націонализація земли. Ц. 20 коп. — **№ 17. В. Е. Якушкинъ.** Крестьянская реформа 1861 г. и русское общество. Ц. 10 коп.— **№ 18. М. М. Богословскій.** Конститу пое движеніе въ 1730. Ц. 10 коп. — **№ 19. С. Ѳ. Фортунатовъ.** І гражданина въ Англіи и С. Американскихъ Соед. Штатахъ. Ц. **№ 20. Ю. Подвинскій.** Конституція Царства Польскаго и ея с (1815—1830). Ц. 15 коп. — **№ 21. А. И. Чупровъ.** Аграрная рефо ея вѣроятное вліяніе на сельскохозяйственное производство. Ц. 10 к **№ 22. А. И. Чупровъ.** Мелкое земледѣліе въ Россіи и его осно нужды. Ц. 15 коп. — **№ 23. А. И. Чупровъ.** Аграномическая по населенію въ Италіи. Ц. 15 коп. — **№ 24. В. П. Алексѣевъ.** Нач конецъ самодержавія. Ц. 15 коп. — **№ 25. А. И. Чупровъ.** Ре земледѣлія въ Италіи. — **№ 26. А. К. Дживелеговъ.** Крестьян революціяхъ 1848 года. Ц. 10 коп. — **№ 27. Проф. А. И. Чупров** вопросу объ аграрной реформѣ. Ц. 15 коп. — **№ 28. Ѳ. Ѳ. Нели** Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. — **№ 29. Л. М** діоновъ. Правовое государство (общедоступные очерки по гос ственному праву). — **№ 30. А. П. Алексѣевъ.** Первый Россійскій ламентъ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, Кудринская площадь, д. Курносовыхъ, кв. 21, телеф. 32

Книжный магазинъ „Трудъ" (Москва, Тверская, 38 и Петерб Невскій, 60) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сы

Книгопродавцамъ 30% уступки.

А. № 8.

Изданіе „Народное право".

325

А. А. Кауфманъ.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ.

МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 92174

Цѣна 10 коп.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера
1906.

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ.

I.

„Никакое поземельное положеніе, никакой аграрный и соціальный строй не можетъ быть признанъ довершеннымъ, если онъ не дополняется правильною системою колонизаціи“.... Такъ писалъ кн. А. И. Васильчиковъ въ 1876 году, и переселеніе за предѣлы Европейской Россіи съ тѣхъ поръ занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ во всякой русской аграрной программѣ. Еще годъ тому назадъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, „правильная постановка на широкихъ началахъ переселенія“ была поставлена однимъ изъ первыхъ пунктовъ программы обще-земскаго съѣзда. И теперь, когда и правительство, и прогрессивная общественная мысль всѣхъ направленій и оттѣнковъ жадно ищутъ разрѣшенія раскрывшагося во всемъ своемъ грозномъ величіи аграрнаго вопроса, — теперь важнѣе, нежели когда-либо, отдать себѣ точный отчетъ въ томъ, каково возможное значеніе переселенія за Уралъ въ народной жизни и въ эволюціи аграрно-хозяйственныхъ отношеній.

Я не буду заниматься здѣсь разборомъ теоретическихъ споровъ на тему о вліяніи переселеній на земельно-хозяйственныя условія страны, — для этого мнѣ понадобилось бы слишкомъ много времени и мѣста[1]). Я буду предполагать, что переселеніе дѣйствительно есть „палліативъ соціальныхъ золъ“, что „въ переходныя времена кризисовъ, по мѣрѣ движенія экономическаго прогресса, оно предотвращаетъ бѣдствія и катастрофы, открывая во-время клапанъ жизни“ (Ядринцевъ). Но при какихъ условіяхъ, спрашивается, можетъ оно служить такимъ палліативомъ?... Такихъ условій два: переселеніе должно итти въ большихъ размѣрахъ, — и переселенцы должны достигать высокаго и прочнаго благосостоянія. О значеніи второго изъ этихъ условій нечего распространяться, — безъ этого переселенцы

---

[1]) Вопросъ этотъ подробно разработанъ въ моей книгѣ „Переселенія и колонизація“, С.-Пб., 1905. Здѣсь же читатель найдетъ и фактическій матеріалъ, и необходимыя литературныя указанія по переселенческому вопросу.

будутъ только разносить по свѣту ту горькую нужду, которая погнала ихъ съ родного пепелища. Не менѣе ясно и первое. Пусть изъ какой-нибудь курской деревни, съ четвертнымъ надѣломъ, выселится четверть всѣхъ дворовъ, — отъ этого остающимся не станетъ лучше: вмѣсто прежней полудесятины у нихъ будетъ все-таки только по 1.600 кв. саж. на душу. Вотъ, если выселятся три четверти или четыре пятыхъ, тогда оставшіеся, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ смогутъ жить лучше, потому что тогда имъ достанется на душу по 2 или по $2^1/_2$ десятины. Не поможетъ переселеніе четверти дворовъ и самарской деревнѣ, голодающей на четырехъ десятинахъ, или вятской, бѣдствующей съ восемью десятинами на душу: пахать крестьянамъ и безъ того есть что, — имъ не хватаетъ сѣнокосовъ, а сѣнокосовъ у самарца не будетъ и при пяти, у вятича — при десяти десятинахъ. Вотъ, если бы ушла половина, а еще лучше — двѣ трети населенія, тогда опять совсѣмъ другое дѣло: тѣ, кто не ушелъ, могли бы вернуться къ залежному хозяйству; на залежахъ они прокормили бы свой скотъ, а десятки лѣтъ отдыха подняли бы урожайность полей.

Что вѣрно для одной деревни, то вѣрно и для всей деревенской Россіи. До сихъ поръ, даже во время самаго сильнаго натиска переселенцевъ въ Сибирь, годичное переселеніе не достигало двухсотъ тысячъ. А вѣдь одинъ годовой приростъ населенія въ Европейской Россіи — около двухъ милліоновъ; въ одной только наиболѣе малоземельной, средней полосѣ приростъ свыше полумилліона. Теперешнее переселеніе, значитъ, не можетъ задержать даже дальнѣйшаго сгущенія населенія, не можетъ остановить дальнѣйшаго измельчанія крестьянскихъ надѣловъ. И только если бы переселеніе возросло въ десятки разъ, если бы оно унесло изъ средней полосы Россіи, въ немного лѣтъ, десятка три милліоновъ, — только тогда оно могло бы оказать замѣтное вліяніе на аграрно-хозяйственныя отношенія.

Но, спрашивается, возможно ли это?... Вопросъ какъ будто бы смѣшной! Въ Россіи, съ ея десятками милліоновъ квадратныхъ верстъ, съ безграничною Сибирью и средне-азіатскими степями, да чтобъ нельзя было размѣстить двухъ или трехъ десятковъ милліоновъ переселенцевъ!... Вѣдь какъ бы широко ни проводить на картѣ границы сибирскихъ тундръ и средне-азіатскихъ пустынь, сколько бы ни скидывать на всякого рода неудобныя земли, — все-таки достаточно самаго простого расчета, чтобы видѣть, что въ одной только Сибири можно размѣстить, безъ затрудненія, еще полсотни, а то и сто милліоновъ душъ переселенцевъ!...

Къ сожалѣнію, такіе „простые расчеты“ не могутъ привести ни

къ чему, кромѣ недоразумѣній и разочарованій. Въ дѣйствительной жизни приходится считаться съ *реальнымъ* и *конкретнымъ* составомъ тѣхъ земель, которыя могутъ быть предоставлены для заселенія — съ ихъ пригодностью для разнаго рода культуръ, со степенью ихъ легкости для разработки, съ ихъ обезпеченностью водой и т. п., и съ не менѣе реальнымъ и конкретнымъ составомъ самихъ переселенцевъ — съ ихъ культурностью, состоятельностью, ихъ хозяйственными пріемами и привычками. Тѣ солонцы, которыхъ такъ много въ западно-сибирскихъ и киргизскихъ степяхъ, при извѣстныхъ затратахъ капитала и соотвѣтственныхъ пріемахъ улучшенія почвы пригодны для весьма интенсивныхъ и доходныхъ культуръ; но при первобытномъ зерновомъ хозяйствѣ нашихъ переселенцевъ ихъ совсѣмъ нельзя вводить въ учетъ земель, пригодныхъ для распашки. Подъ сибирскою „черною тайгою“ лежатъ обширныя пространства плодородныхъ почвъ; но чтобы ихъ расчистить изъ-подъ вѣкового лѣса, чтобъ прожить нѣсколько лѣтъ до перваго урожая, нужны такія средства, какихъ нѣтъ у нашихъ переселенцевъ. Говоря общѣе: мало рѣшить, что такія-то земли могутъ, вообще, быть заселены и разработаны. Надо спросить себя, могутъ ли онѣ заселиться *при данномъ культурномъ уровнѣ нашей крестьянской массы, при доступныхъ ей пріемахъ эксплуатаціи земли, при данной ея имущественной состоятельности.* А разъ вопросъ поставленъ такъ, то изъ учета земель, годныхъ подъ заселеніе, должны быть вычеркнуты сотни милліоновъ десятинъ. Читатель возразитъ мнѣ, что культурность, хозяйственные пріемы, даже состоятельность переселенцевъ — не такой „предѣлъ, его же не прейдеши“: если культурный уровень переселенца, скажетъ мнѣ читатель, низокъ, надо его поднять; если его хозяйственные пріемы плохи, надо помочь ему улучшить ихъ; если у него нѣтъ средствъ, надо ему ихъ дать. Но, во-первыхъ, когда это все сдѣлается!... а *пока* до тѣхъ поръ считаться съ *данною* степенью культурности и данными хозяйственными пріемами. А главное, вѣдь если поднять культурный уровень и дать средства тѣмъ среднеземельнымъ и среднесостоятельнымъ крестьянамъ, которые составляютъ главный контингентъ переселенцевъ, тогда имъ *не понадобится переселяться:* переселяются-то они именно изъ-за того, что бѣдность и низкій уровень культуры не позволяютъ имъ поднять производительность и доходность своихъ надѣльныхъ земель....

Итакъ, въ учетъ возможнаго развитія нашего переселенія можно вводить только земли, годныя для нашего переселенца, при данномъ, низкомъ уровнѣ его культуры и состоятельности. И мало того, чтобы

онѣ были годны по оцѣнкѣ, хотя бы самой точной, приставленныхъ къ дѣлу правительственныхъ или общественныхъ агентовъ — надо, чтобы ихъ признали годными сами переселенцы, съ *ихъ* взглядами на „удобное“ и „неудобное“, съ ихъ техническими пріемами, со всею совокупностью ихъ культурныхъ и хозяйственныхъ привычекъ. А такъ какъ взгляды, потребности и привычки у выходцевъ изъ разныхъ мѣстностей, естественно, различны, то отсюда вытекаетъ и дальнѣйшій крайне важный выводъ: необходимость считаться съ потребностями, вкусами и хозяйственными привычками крестьянъ тѣхъ мѣстностей, откуда, главнымъ образомъ, идутъ переселенцы и гдѣ острѣе всего чувствуется аграрный кризисъ.

Извѣстно, что первыя тридцать лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ переселеніе не только не пользовалось помощью и поощреніемъ правительства, но напротивъ, послѣднее всѣми способами противодѣйствовало росту переселенія. Тѣмъ не менѣе, оно росло и развивалось, несмотря на невѣроятныя бѣдствія и лишенія, которыя приходилось претерпѣвать переселенцамъ: въ 80-хъ годахъ въ Сибирь переселялось въ годъ всего только отъ 25 до 50 тысячъ, въ началѣ 90-хъ — уже до 80—90 тысячъ. Проложеніе сибирской магистрали во много разъ облегчило и удешевило переселеніе; рѣзко измѣнилась въ благопріятную для переселенія сторону, начиная съ 1893 года, и политика правительства. Естественно было ожидать еще болѣе быстраго роста переселенія. Вначалѣ такъ и было: въ 1895 году въ Сибирь прошло уже свыше 120 тыс., въ 1896 году — около 185 тысячъ (не считая ходоковъ). Но на этомъ ростъ переселенія и остановился, и смѣнился убылью: въ 1898—1900 гг. переселялось въ годъ по 150—170 тысячъ, въ 1901—1903 гг. — уже только по 70—90 тысячъ.

Чѣмъ же объяснить такое сокращеніе размѣровъ сибирскаго переселенія? Конечно, *не* сокращеніемъ потребности въ переселеніи, — оно не успѣло унести и десятой доли тѣхъ, кому стало тѣсно на родной землѣ. Конечно, и не переселенческою политикою правительства: какъ ни критиковать ее, — все-таки, въ послѣднее время для переселенія дѣлалось безъ сравненія больше, чѣмъ въ предыдущія 30 лѣтъ. Дѣло, значитъ, можетъ быть только *въ ухудшеніи условій водворенія переселенцевъ*. Еще въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ они легко и дешево устраивались въ многоземельныхъ сторожильскихъ селеніяхъ или на переселенческихъ участкахъ въ лучшихъ мѣстностяхъ Западной Сибири и въ лучшей-же по есте-

ственнымъ условіямъ, сѣверной полосѣ киргизской степи. Теперь старожильскія селенія переполнены, и старожилы либо вовсе не даютъ пріемныхъ приговоровъ, либо требуютъ непосильно-высокой платы; теперешніе же переселенческіе участки по почвеннымъ условіямъ, трудности расчистки, отдаленности отъ заселенныхъ мѣстъ гораздо менѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ переселенцевъ. Еще недавно, въ серединѣ 90-хъ годовъ, болѣе половины ходоковъ находило себѣ въ Сибирѣ подходящую землю; въ 1896—1899 гг. это удавалось уже только трети ходоковъ; а съ 1899 до 1902 года отъ трехъ четвертей до четырехъ пятыхъ возвращалось домой съ пустыми руками. Прежде переселенцы водворялись охотнѣе всего въ сѣверной киргизской степи и на кабинетскихъ, также по преимуществу степныхъ, земляхъ Алтайскаго округа. И какъ разъ изъ этихъ-то мѣстностей теперь больше всего возвращается ходоковъ, не нашедшихъ себѣ мѣста. Громадное большинство ихъ при статистическомъ опросѣ объясняетъ свою неудачу дороговизною пріемныхъ приговоровъ, отсутствіемъ заготовленныхъ участковъ и т. п. причинами, которыя, при всемъ ихъ видимомъ разнообразіи, сводятся къ уже начавшему обнаруживаться переполненію Алтая и акмолинскихъ степей переселенцами, и лишь немногіе ссылаются на плохую почву, безводность или безлѣсье. Напротивъ, среди ходоковъ, напрасно пропутешествовавшихъ въ коренную Сибирь, очень многіе ссылаются именно на неподходящія естественныя условія: чрезмѣрную лѣсистость, суровый климатъ, плохую почву и т. п.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становится не только найти землю, но и устраиваться. Ниже мы увидимъ, какъ преувеличены, вообще, мечты о томъ благоденствіи, которое ждетъ переселенца. Пока мы остановимся только на одномъ, самомъ прискорбномъ явленіи — на обратномъ переселеніи. Еще въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ возвращалось какихъ-нибудь 3—4%; за пятилѣтіе 1894—1898 гг. возвратилось уже 13,8%, или около одной седьмой, за пятилѣтіе 1899—1903 гг.—18,8%, т.-е. почти одна пятая всѣхъ переселенцевъ. 3—4% обратныхъ никого не пугали: при самыхъ лучшихъ условіяхъ переселеніе не можетъ не давать нѣкотораго процента неудачниковъ. Но возвращеніе почти одной пятой части всѣхъ переселенцевъ — это уже фактъ въ высшей степени тревожный. Часть обратныхъ и теперь, несомнѣнно, возвращается вслѣдствіе разныхъ случайныхъ причинъ. Но *огромный ростъ* обратнаго переселенія, при измѣнившейся, во всякомъ случаѣ, не къ худшему, а къ лучшему, постановкѣ переселенческаго дѣла, приходится отнести на счетъ

общаго ухудшенія условій водворенія переселенцевъ и прежде всего — на счетъ истощенія запасовъ земель, соотвѣтствующихъ ихъ потребностямъ. И статистика причинъ обратнаго переселенія говоритъ то же, что и статистика ходачества: неудовлетворительность естественныхъ условій обусловливаетъ въ киргизской степи и на Алтаѣ лишь ничтожное меньшинство случаевъ обратнаго переселенія; напротивъ, треть всѣхъ случаевъ по Тобольской и Томской губерніямъ, половина по Енисейской и три пятыхъ по Иркутской мотивировалось суровостью климата, плохою почвой, лѣсистостью и трудностью расчистки отводимыхъ земель.

Такимъ образомъ, переселенческая статистика свидѣтельствуетъ прежде всего о возрастающей трудности пріисканія, вообще, подходящихъ для переселенцевъ земель; а затѣмъ, она ясно показываетъ, что лѣсныя мѣстности гораздо менѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ переселенцевъ, нежели земли степного характера. И это естественно. Переселенцы идутъ вѣдь, главнымъ образомъ, изъ черноземной полосы. Съ 1885 по 1903 года эта полоса дала свыше 1.100 тыс., нечерноземная — немногимъ болѣе 300 тыс. переселенцевъ. А между тѣмъ, переселенцы изъ черноземной полосы въ степной мѣстности охотно мирятся и съ засухами, и съ безлѣсьемъ, и съ плохимъ водоснабженіемъ, — но они не идутъ въ лѣса Сибири или сѣвера европейской Россіи, гдѣ ихъ пугаетъ и суровость климата, и раскорчевка лѣса, и сибирскій „гнусъ“, и вообще вся природа, слишкомъ непохожая на природу Малороссіи или новороссійскихъ степей. И по мѣрѣ сокращенія въ Сибири запасовъ степныхъ земель, сокращается и наплывъ переселенцевъ изъ черноземной полосы: за пятилѣтіе 1896—1900 гг. отсюда переселялось въ среднемъ до 125 тыс. человѣкъ; за трехлѣтіе 1901—1903 гг. — уже не болѣе 50 тысячъ въ годъ. Опять-таки, о сокращеніи потребности въ переселеніи не можетъ быть и рѣчи; и если, тѣмъ не менѣе, крестьяне черноземной полосы перестаютъ переселяться въ Сибирь, то это, очевидно, потому, что они не могутъ и не желаютъ устраиваться на тѣхъ лѣсныхъ земляхъ, которыя предлагаются подъ заселеніе.

И въ этомъ вся суть нашего переселенческаго вопроса. Лѣсныхъ земель въ распоряженіи государства еще много: въ однѣхъ только шести сѣверныхъ губерніяхъ европейской Россіи почти 100 милліоновъ десятинъ казенныхъ лѣсовъ. Сибирскіе урманы и тайга занимаютъ многія сотни милліоновъ десятинъ; среди первобытной, „черной“ тайги разбросаны обширныя пространства „бѣльниковъ“, „еланей“ и „дубровъ“, вполнѣ пригодныхъ для культуры и не

слишкомъ трудныхъ для расчистки, — и общее количество земель такого рода исчисляется, конечно, многими милліонами, а можетъ быть, и многими десятками милліоновъ десятинъ. Но для переселенія *изъ черноземныхъ губерній* эти милліоны и десятки милліоновъ не имѣютъ никакого значенія: нарѣзанныя въ лѣсахъ Сибири земли, въ каждой губерніи на десятки тысячъ душъ, пустуютъ, а переселеніе въ Сибирь изъ черноземной Россіи, какъ мы уже упоминали, почти-что прекратилось. Для нашего переселенческаго движенія важны, такимъ образомъ, только земли степного характера, при приблизительно сходномъ съ нашею черноземною полосою климатѣ. *Такихъ* земель въ коренной Сибири и на Алтаѣ почти не осталось; небольшой запасъ ихъ, въ лучшемъ случаѣ на нѣсколько десятковъ тысячъ душъ, можетъ еще освободиться только по мѣрѣ хода поземельнаго устройства старожилаго населенія. То же и въ Приамурьѣ. Единственныя двѣ обширныя степныя равнины края, Ханкайская и Зейско-Буреинская, уже почти сплошь заселены, и лишь сравнительно немногѳ земель степного типа, въ лучшемъ случаѣ опять-таки на нѣсколько десятковъ тысячъ душъ, можно надѣяться найти въ долинахъ рѣкъ, прорѣзывающихъ горно-лѣсной массивъ Амурской и Уссурійской тайги. Необъятный просторъ представляютъ, на первый взглядъ, киргизскія степи: плотность населенія не превышаетъ здѣсь 1,6, а если считать однихъ киргизовъ,—1,2 человѣка на кв. версту. Но изъ расчета приходится совершенно исключить всю южную, гораздо болѣе обширную, нежели сѣверная, полосу киргизскихъ степей, примѣрно съ 48—49 параллели: здѣсь и почвы — солонцеватыя, каменистыя, глинистыя, песчаныя и т. п. — чрезвычайно мало соотвѣтствуютъ тому, что мы привыкли считать годнымъ для крестьянскаго хозяйства; но главное, крайне малое количество дождей требуетъ искусственнаго орошенія, а на его развитіе нельзя расчитывать, такъ какъ нѣтъ воды. Привлекательнѣе сѣверная киргизская степь — прямое продолженіе черноземныхъ степей западной Сибири, — та самая, гдѣ и до сихъ поръ сосредоточивалась русская колонизація края. Но и здѣсь условія почвы и водоснабженія крайне пестры: огромныя пространства, сотни тысячъ и милліоны десятинъ подъ рядъ, негодны для заселенія, либо благодаря преобладанію солонцеватыхъ или песчаныхъ почвъ, либо по недостаточности водоснабженія. Гдѣ естественныя условія лучше, тамъ сосредоточиваются зимнія жилища, сѣнокосы, а также, мѣстами только еще зарождающееся, мѣстами уже очень развитое, земледѣліе киргизъ. Въ концѣ концовъ воспользоваться для водворенія переселенцевъ возможно только

небольшими, сравнительно съ огромною общею площадью киргизскихъ степей, свободными клочками: за 11 лѣтъ въ киргизскихъ степяхъ отведено подъ заселеніе всего около 3.000.000 дес., и можно съ увѣренностью сказать, что *еще* трехъ милліоновъ десятинъ уже не удастся отвести. А между тѣмъ, что̀ такое даже три милліона десятинъ, по сравненію съ тѣми огромными запасами земли, которые были бы нужны для дѣйствительно широкаго развитія переселенія!...

Ясно, такимъ образомъ, что Сибирь и киргизскія степи — эти коренные наши колонизаціонные районы,— не могутъ принять и десятой доли того огромнаго переселенія, какое только и могло бы оказать серьезное вліяніе на земельно-хозяйственныя условія страны. И правительство, и общественная мысль, тщетно ищутъ новыхъ мѣстъ, куда можно было бы направить переселенцевъ изъ черноземной полосы. Въ Туркестанѣ, правда, очень много свободныхъ земель, съ превосходною лёссовою почвой, годной для самыхъ высокихъ и доходныхъ культуръ — но только при искусственномъ орошеніи. Размѣры возможной колонизаціи зависятъ, значитъ, не отъ запасовъ земли, а отъ запасовъ воды, которую еще можно использовать для орошенія. Воды въ краѣ найдется еще на нѣсколько милліоновъ десятинъ. Но прежде всего орошеніе этоихъ нѣсколькихъ милліоновъ стоило бы сотенъ милліоновъ рублей (которые, конечно, выгоднѣе затратить на улучшеніе крестьянскаго хозяйства въ мѣстностяхъ, откуда идетъ переселеніе) и растянулось бы на десятки лѣтъ; слѣдовательно, на десятки лѣтъ пришлось бы растянуть и ихъ заселеніе. А главное, значительную часть неиспользованныхъ водъ края придется оставить туземному, въ особенности кочевому населенію, все будущее котораго зависитъ отъ развитія искусственнаго орошенія. Для переселенческаго дѣла удастся, поэтому, использовать, даже въ лучшемъ случаѣ, лишь сравнительно ничтожное количество воды, и слѣдовательно, возможность переселенія въ Туркестанъ самою природою поставлена въ очень узкіе предѣлы. Въ Закавказьѣ государство располагаетъ лишь немногими милліонами десятинъ незаселенныхъ земель, при огромномъ контингентѣ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ—въ нѣкоторыхъ губерніяхъ 60—70% всего населенія; для устройства послѣднихъ далеко не хватитъ всего запаса свободныхъ государственныхъ земель, и развѣ только въ видѣ исключенія могутъ оказаться такія площади, гдѣ можно будетъ водворить русскихъ переселенцевъ безъ нарушенія существеннѣйшихъ интересовъ туземнаго населенія. Не приходится уже говорить и о Предкавказьѣ:

урегулированіе казачьяго и инородическаго землевладѣнія, можетъ быть, освободитъ здѣсь довольно значительныя пространства земли, но ихъ во всякомъ случаѣ не хватитъ даже для наличнаго „иногородняго“ населенія — для сотенъ тысячъ старыхъ переселенцевъ, уже ожидающихъ надѣленія; а о запасахъ земель для новыхъ переселенцевъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Остаются казенныя и удѣльныя земли и лѣса Европейской Россіи. О лѣсахъ я уже говорилъ. Огромные лѣса сѣверныхъ губерній не имѣютъ значенія съ точки зрѣнія общаго переселенческаго вопроса; лѣса же, разбросанные по средней, а тѣмъ болѣе по южной полосѣ Россіи, конечно, должны и впредь остаться лѣсами. Остаются затѣмъ 4 милліона десятинъ оброчныхъ статей, т.-е. казенныхъ земельныхъ угодій, почти цѣликомъ сосредоточенныхъ въ 12 юго-восточныхъ губерніяхъ, и около двухъ милліоновъ десятинъ оброчныхъ статей удѣльнаго вѣдомства. Значительная часть статей по почвѣ и водоснабженію годна для заселенія, а близость ихъ и сходство — говоря сравнительно — естественныхъ и хозяйственныхъ условій съ условіями районовъ выселенія дѣлаютъ ихъ особенно цѣнными для переселенія. Но тѣ же нѣсколько милліоновъ десятинъ оброчныхъ статей служатъ вѣдь *арендным фондомъ* и для мѣстнаго крестьянства. Начиная съ 80-хъ годовъ тянется непрерывный рядъ земскихъ ходатайствъ о воспрещеніи вселенія на казенныя земли переселенцевъ изъ другихъ мѣстностей и о предоставленія ихъ въ исключительное распоряженіе мѣстныхъ крестьянъ, и съ интересами и притязаніями послѣднихъ придется серьезно считаться при практическомъ рѣшеніи вопроса о возможности отдать переселенцамъ каждую данную группу и каждую данную площадь оброчныхъ земель. Было бы слишкомъ смѣло надѣяться, чтобы удалось отвести переселенцамъ половину, едва ли даже треть общаго количества казенныхъ и удѣльныхъ оброчныхъ земель; а какіе-нибудь два-три милліона десятинъ — опять-таки ничто въ сравненіи съ огромною потребностью въ переселеніи...

Вотъ и всѣ наши земельные запасы... Десятками, можетъ быть, сотнями милліоновъ десятинъ мы располагаемъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ; но онѣ могли бы заселяться лишь при совсѣмъ иномъ подборѣ переселенцевъ, нежели въ дѣйствительности наблюдается. Запасы земель, годныхъ для переселенцевъ изъ черноземной полосы, измѣряются, въ лучшемъ случаѣ, нѣсколькими милліонами десятинъ, слѣдовательно, достаточны для немногихъ сотенъ тысячъ душъ переселенцевъ. Между тѣмъ, аграрный вопросъ острѣе всего стоитъ именно въ черноземной полосѣ. А потому сказать, что у насъ имѣется лишь крайне мало

земли для переселенцевъ изъ черноземныхъ губерній, — это значитъ сказать, что переселеніе не можетъ сыграть существенной роли при разрѣшеніи нашего аграрнаго вопроса.

Таковы тѣ факты, которые приходится противопоставить мечтаніямъ о „широкомъ развитіи переселенія“. И эти-то факты заставили тѣхъ самыхъ земскихъ дѣятелей, которые въ февралѣ 1905 года раздѣляли эти мечтанія, черезъ два мѣсяца[1]) признать, что „возможность широкаго развитія переселенія на государственныя земли исключается недостаткомъ свободныхъ земель, годныхъ для выходцевъ изъ мѣстностей, наиболѣе нуждающихся въ разрѣженіи населенія“, — что „переселеніе поэтому не можетъ ни устранить, ни отсрочить необходимости въ болѣе коренныхъ мѣрахъ къ улучшенію условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства“.

II.

Какъ еще недавно твердо вѣрили въ возможность неограниченнаго роста переселенія, такъ вѣрили и въ благіе его результаты. „Колонизація“, писалъ еще въ 1891 году покойный „другъ переселенцевъ“, Н. М. Ядринцевъ, „имѣетъ такое же врачующее и исцѣляющее значеніе, какое имѣетъ воздухъ съ перемѣной климата для больного, съ тою разницей, что здѣсь истощенныя экономическія силы возстановляются многоземельемъ, просторомъ и плодородіемъ“. И такіе восторженные отзывы основывались не на однихъ только случайныхъ наблюденіяхъ, но и на томъ, правда, тоже довольно случайномъ, статистическомъ матеріалѣ, какимъ можно было располагать въ то время. „Дѣйствительно“, писалъ около того же времени извѣстный теперь экономистъ К. Р. Качоровскій, „всѣ безъ исключенія общіе отзывы и описанія разныхъ болѣе или менѣе компетентныхъ наблюдателей выставляютъ достиженіе громаднымъ большинствомъ новоселовъ Азіатскій Россіи, черезъ 3—5 лѣтъ послѣ поселенія, полной хозяйственной самостоятельности, какъ фактъ, не подлежащій спору и для всѣхъ очевидный; и всѣ безъ исключенія встрѣченныя мною цифры, продолжаетъ г. Качоровскій, рисуютъ такое завидное положеніе новоселовъ въ Азіатской Россіи, которое ихъ роднымъ и знакомымъ должно казаться чуть не мужицкимъ раемъ, стоящимъ того, чтобы

---

[1]) На съѣздѣ 28—29 апрѣля 1905 г.

изъ-за него рискнуть на всѣ мытарства чистилища — „переселенческой эпопеи“.

Теперь такихъ восторженныхъ отзывовъ уже не приходится слышать, а все больше раздаются сѣтованія о переселенческихъ неудачахъ. Причины этихъ неудачъ одни — какъ я — видятъ во всей совокупности условій нашего переселенія и въ характерѣ хозяйства самихъ переселенцевъ, другіе винятъ въ нихъ правительство и его переселенческую политику. Но во всякомъ случаѣ, о „переселенческомъ раѣ“ теперь ужъ мало слышно, и засѣдавшіе въ 1902 году комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности единодушно утверждаютъ, что „мечты земледѣльцевъ о далекихъ странахъ съ необъятными пространствами свободныхъ богатыхъ земель, по приходѣ ихъ на мѣста, разбиваются въ пухъ и прахъ, а на мѣсто ихъ появляется та же самая безотрадная, голодная и холодная дѣйствительность, выгнавшая ихъ изъ родныхъ мѣстъ въ далекія страны“...

И къ несчастью, вылившіяся въ этомъ воплѣ наблюденія мѣстныхъ людей находятъ себѣ полное подтвержденіе въ данныхъ переселенческой статистики. Особенно безотрадно положеніе тобольскихъ переселенцевъ. По изслѣдованію 1893 года, у семей, прожившихъ въ Тобольской губерніи по 8—10 и болѣе лѣтъ, оказывается, даже въ среднихъ цифрахъ, не больше посѣвовъ и скота, нежели было у нихъ „на старинѣ“; процентъ безскотныхъ дворовъ — даже гораздо выше. По новому изслѣдованію, произведенному въ 1898 году Н. Я. Новомбергскимъ, получились нѣсколько болѣе благопріятныя данныя; тѣмъ не менѣе, и г. Новомбергскій говоритъ, что благосостояніе новоселовъ хотя и „нѣсколько улучшилось по сравненію съ жалкимъ состояніемъ, въ какомъ оно находилось на родинѣ, но не достигло все-таки такого уровня, на которомъ хозяйство по мѣстнымъ условіямъ считается прочнымъ; несмотря на увеличеніе сибирскаго хозяйства новоселовъ на полъ-коровы и полъ-лошади, сила необезпеченности осталась прежняя, россійская; можно было бы сказать, что настоящее положеніе переселенцевъ далеко хуже того горькаго положенія на родинѣ, при которомъ хозяйство велось все же не наймомъ и безъ супряги, и долга въ 70—90 рублей за каждымъ дворомъ не имѣлось“...

Впрочемъ, въ Тобольской губерніи тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе новоселовъ, складываются особенно неблагопріятно. На первый взглядъ можно было бы ожидать обратнаго: продукты и инвентарь въ Тобольской губерніи дешевле, слѣдовательно, обзаведеніе легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но зато тѣ „мягкія“ земли, которыя здѣсь отводились переселенцамъ, уже давно

выпаханы и истощены; а такъ какъ переселенцы ведутъ такое же первобытное хозяйство, какъ и мѣстные старожилы, но далеко уступаютъ имъ и въ хозяйственной силѣ, и въ особенности въ знаніи мѣстныхъ условій и умѣніи къ нимъ приспособляться, — то урожаи у нихъ далеко хуже, нежели въ болѣе удаленныхъ мѣстностяхъ, съ большимъ просторомъ и съ болѣе свѣжими, еще невыпаханными почвами. Съ другой стороны, самая близость Тобольской губерніи, говоря сравнительно, къ тѣмъ мѣстностямъ, откуда идутъ переселенцы, способствовала плохому ихъ подбору: въ Тобольской губерніи осѣдали всѣ тѣ, у кого не хватало либо средствъ, либо энергіи итти въ болѣе далекія части Сибири, — а изъ такихъ переселенцевъ получались и плохіе колонизаторы...

Гораздо болѣе благопріятныя данныя получились въ изслѣдованномъ мною, въ 1894 году, районѣ казенныхъ земель Томской губерніи. Здѣсь у переселенцевъ, прожившихъ болѣе четырехъ лѣтъ, значитъ уже прошедшихъ искусъ первоначальнаго обзаведенія, оказалось въ среднемъ по 2,5 лошадей, по 1,9 дойныхъ коровъ и по 4,9 десятинъ посѣва, противъ 1,6 лошади, 1,3 коровы и 3,6 дес. посѣва, которыя тѣ же переселенцы имѣли, въ среднемъ же, „на старинѣ“; а количество дворовъ безъ посѣва упало съ 14,3 до 9,7% количество безлошадныхъ — съ 19,2 до 7,0%. Переселенцы въ массѣ, значитъ, какъ будто выиграли отъ переселенія. Но ихъ благосостояніе, все-таки, далеко ниже, чѣмъ у мѣстныхъ старожиловъ, которые имѣютъ въ среднемъ по 5,3 лошади, по 2,5 коровы и засѣваютъ по 6,6 десятинъ. А главное, процентъ дворовъ, отпускающихъ работниковъ въ срочный наемъ, почти не измѣнился: на родинѣ онъ былъ 16,8, въ Сибири 15,1%, а болѣе двухъ пятыхъ общаго числа переселенцевъ, 42%, продолжали еще прикупать хлѣбъ; значитъ, ихъ земледѣльческое хозяйство не обезпечивало даже ихъ продовольствія, не говоря уже объ ихъ остальныхъ потребностяхъ. Гдѣ-нибудь въ Полтавской или Курской губерніи крестьянинъ съ двумя или тремя лошадьми и пятью десятинами посѣва — полный хозяинъ. Но въ томъ-то и бѣда, что лошадь или десятина посѣва въ Сибири — не то, что лошадь или десятина въ центральной Россіи. Въ Сибири пашутъ вѣдь на парѣ, цѣлину — даже на тройкѣ лошадей; значитъ, въ Сибири однолошадный — все равно, что безлошадный; а если присчитать къ безлошаднымъ и однолошадныхъ, то получится уже 22%; значитъ — болѣе одной пятой части всѣхъ томскихъ переселенцевъ не могутъ вести самостоятельнаго хозяйства.

Однако, и казенныя земли Томской губерніи — это тоже еще да-

леко не тотъ „мужицкій рай“, о которомъ такъ мечтаетъ распаленное земельнымъ голодомъ крестьянское воображеніе. Черноземныя киргизскія степи, Уссурійскій край, въ особенности же Алтайскій округъ кабинета Его Величества — вотъ настоящія переселенческія эльдорадо; и холодныя цифры статистики позволяютъ какъ будто бы думать, что въ этихъ мѣстахъ — и въ самомъ дѣлѣ мужицкій рай. Вотъ важнѣйшія цифровыя данныя относительно хозяйства алтайскихъ новоселовъ:

ПРОЖИВШІЕ:	Въ среднемъ на дворъ			Процентъ дворовъ:								
	Рабочихъ лошадей	Дойныхъ коровъ.	Десятинъ посѣва.	Безъ посѣва и съ посѣвомъ менѣе 1 десятины.	Засѣвающихъ. 1—5 дес.	Засѣвающихъ. Болѣе 10 дес.	Безлошадныхъ и съ 1 лошадью.	Съ 5 и болѣе лошадьми.	Пашущихъ. Наймомъ	Пашущихъ. Супрягой.	Нанимающихъ батраковъ.	Отпускающ.
до 1 года.	2,0	1,1	4,4	6, 9	43,5	20,4	39,7	10,8	28,3	35,0	5,7	23,1
отъ 1 „ 3 лѣтъ.	2,3	1,4	5,7									
„ 3 „ 5 „ .	3,1	1,9	8,0	3,3	27,7	37,9	24,8	20,0	23,0	36,0	7,7	14,3
„ 5 „ 10 „ .	3,2	2,8	10,0	3,8	17,9	52,6	11,5	44,0	12,7	17,9	20,5	6,6
болѣе 10 „ .	5,7	4,6	11,1									
Итого. . .	4,2	2,8	9,5	4,2	23,7	46,1	17,8	36,0	16,1	22,8	16,9	10,4

Даже новоселы, прожившіе въ округѣ меньше года, значитъ только-что прибывшіе въ край, имѣютъ въ среднемъ по двѣ лошади и почти по $4^1/_2$ дес. посѣва; прожившіе отъ одного до трехъ лѣтъ, значитъ тоже еще не вышедшіе изъ искуса первоначальнаго обзаведенія, имѣютъ въ среднемъ уже почти столько же рабочихъ лошадей и засѣваютъ гораздо больше, чѣмъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи переселенцы, прожившіе до пяти лѣтъ и больше. А прожившіе отъ 5 до 10 лѣтъ имѣютъ въ среднемъ уже по 4,2, прожившіе свыше десяти лѣтъ — по 5,7 рабочихъ лошадей, и засѣваютъ они, въ среднемъ, по 10—11 десятинъ на семью. А вѣдь 4—5 лошадей, 10—11 десятинъ посѣва — это, конечно, и во снѣ не снилось „средненькому“ мужичку гдѣ-нибудь въ средней Россіи... И еще заманчивѣе то высокое благосостояніе, котораго достигаютъ,

тутъ же, на Алтаѣ, болѣе зажиточные дворы: вѣдь изъ числа проживавшихъ больше десяти лѣтъ 52,6%, значитъ свыше половины, засѣваютъ больше 10 десятинъ, а 20,5%, одна пятая, нанимаютъ батраковъ; а вѣдь многіе изъ нихъ прибрели въ Сибирь съ тремя цѣлковыми въ карманѣ, а то и съ нищенскою сумой. И приблизительно такія же цифры даетъ переселенческая статистика для киргизскихъ степей и для Уссурійскаго края...

Такъ повезло, однако, далеко не всѣмъ переселенцамъ, и если въ одну сторону выдѣляется группа со всѣми видимыми признаками высокаго благосостоянія, то въ другую, и въ этихъ благодатныхъ мѣстахъ, выдѣляется многочисленная группа дворовъ, не добившихся самостоятельнаго хозяйства. Загляните еще разъ въ табличку цифръ по Алтайскому округу: безлошадныхъ и однолошадныхъ среди прожившихъ въ округѣ отъ 5 до 10 лѣтъ, оказывается 24,8%— цѣлая четверть; среди прожившихъ больше десяти лѣтъ —11,5%, около одной девятой части общаго числа дворовъ. Дворовъ вовсе безъ посѣва, правда, мало — менѣе 4%. Но дворовъ съ посѣвомъ менѣе 5 десятинъ, значитъ не могущихъ, въ среднемъ, обезпечить продовольственныхъ потребностей семьи, даже среди прожившихъ въ краѣ больше десяти лѣтъ болѣе одной шестой —17,9%. А главное, даже въ этой группѣ 30,6%, почти треть, пашутъ либо наймомъ, либо супрягой,— значитъ, и послѣ десяти лѣтъ проживанія въ этихъ благодатнѣйшихъ мѣстахъ Сибири они не достигли возможности вести самостоятельнаго хозяйства... И на Алтаѣ, и въ другихъ излюбленныхъ переселенческихъ районахъ, разслоеніе новоселовъ идетъ очень энергично; привлекая переселенцевъ надеждою на недостижимое въ другихъ мѣстностяхъ Сибири процвѣтаніе — насколько оно прочно, это мы увидимъ ниже! — и такіе районы грозятъ имъ не меньшимъ, если не бо́льшимъ рискомъ полной хозяйственной неудачи.

И при этомъ приведенныя данныя вѣдь были собраны въ первой половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія; тѣ новоселы, о которыхъ я до сихъ поръ говорилъ,— это все переселенцы, пришедшіе въ Сибирь не позднѣе конца 80-хъ годовъ. А вѣдь 10—15 лѣтъ тому назадъ условія колонизаціи Сибири были куда лучше, нежели теперь. Переселенцы садились либо въ старожильскихъ селеніяхъ, либо по „междугранкамъ“, на свободныхъ земляхъ, внутри давно колонизованныхъ районовъ или по ихъ окраинамъ; даже въ киргизской степи они осѣдали главнымъ образомъ по близости отъ старыхъ крестьянскихъ или казачьихъ селеній. Переселенцы занимали при этомъ лучшія, по большей части еще не паханныя земли, которыя можно

было притомъ пахать безъ предварительной раскорчевки. Селясь въ старожильскихъ селеніяхъ или по близости отъ нихъ, переселенцы, пока не обзаведутся, могли дешево, а то и даромъ, ютиться въ старожильскихъ избахъ; могли дешево покупать и хлѣбъ на продовольствіе, и рабочій скотъ, могли нанять плугъ или снять „мягкую“ землю для перваго посѣва. А главное, — они имѣли обильные и выгодные заработки, которые даже самымъ бѣднымъ позволяли, при выдержкѣ и трудолюбіи, въ немного лѣтъ стать на ноги и сдѣлаться самостоятельными хозяевами: за страду легко было заработать хлѣбъ на годовое продовольствіе. Въ то время не рѣдкостью были такіе факты, какъ мнѣ пришлось наблюдать, напримѣръ, въ одномъ изъ поселковъ Марінскаго уѣзда: семья чувашъ, вышедшая изъ дому съ пятью копейками (буквально!) въ карманѣ, всю дорогу прошедшая либо на подаянія, либо на случайные заработки въ попутныхъ селеніяхъ, — черезъ четыре года послѣ водворенія засѣвала сорокъ съ лишкомъ десятинъ...

Теперь условія водворенія въ Сибири совершенно другія. У старожиловъ просторъ настолько сократился, что они либо ужъ не принимаютъ новоселовъ, либо требуютъ за пріемъ непосильную, для громаднаго большинства, плату. Въ старыхъ переселенческихъ районахъ подобрались и свободныя казенныя земли, и подъ селенія отводятъ такія земли, которыя либо хуже прежнихъ, либо, во всякомъ случаѣ, гораздо менѣе подходятъ для переселенцевъ. Въ киргизскихъ степяхъ, чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ хуже почва и засушливѣе климатъ; тѣмъ, значитъ, хуже родятся хлѣба и тѣмъ чаще полные неурожаи. Въ коренной Сибири отводятся подъ заселеніе уже почти однѣ таёжныя земли; ихъ приходится расчищать изъ-подъ лѣса, а по почвѣ и суровому климату онѣ совершенно не отвѣчаютъ тому, чего ищутъ переселенцы изъ черноземной полосы. Но главное, наплывъ въ Сибирь милліонной массы переселенцевъ повелъ за собою рѣзкое ухудшеніе экономическихъ условій водворенія: вздорожало все, что̀ переселенецъ покупаетъ, и обезцѣнился трудъ — единственное, что онъ продаетъ и чѣмъ онъ можетъ сколотить себѣ средства для обзаведенія. И это, какъ писалъ еще въ 1896 году А. Н. Куломзинъ, — въ особенности потому, что „прежніе участки были разбросаны среди старожильскихъ земель; нынѣшніе же участки, въ общемъ, значительно удалены отъ старожильскихъ селеній, а слѣдовательно, отъ какихъ-либо заработковъ; а свободныя земли Акмолинской области — тѣ прямо на огромныя разстоянія отстоятъ отъ какого бы то ни было человѣческаго жилья“. Въ томъ

же направленіи повліяло и проведеніе желѣзной дороги черезъ Сибирь. Раньше, говоритъ изучавшій въ 1897 г. переселенческіе поселки Тобольской губерніи Н. Я. Новомбергскій, продукты сельскаго хозяйства были въ нѣсколько разъ дешевле. Съ проведеніемъ желѣзной дороги цѣна на продукты на мѣстномъ рынкѣ стала возрастать. Рядомъ съ этимъ, прежнія натуральныя отношенія между старожиломъ и новоселомъ исчезли: въ настоящее время за работу расплачиваются уже не пудовкой хлѣба, не лошадью, не коровой, а деньгами; если прежде за двухнедѣльную работу можно было получить столько хлѣба, сколько необходимо семьѣ для продовольствія въ теченіе мѣсяца и болѣе, то теперь та-же работа едва ли обезпечитъ такую же семью въ продолженіе недѣли"... А при поселеніи въ глухой тайгѣ или въ степи, удаленной на сотни верстъ отъ старыхъ поселеній, заработки становятся и вовсе невозможными: чтобы заработать что-нибудь, переселенецъ-новоселъ долженъ былъ бы надолго совершенно оторваться отъ своего новаго хозяйства...

Измѣняется къ худшему, наконецъ, и подборъ переселенцевъ. Еще въ 80-хъ и даже въ началѣ 90-хъ годовъ наблюдатели и изслѣдователи рисуютъ намъ типъ переселенца-піонера, въ родѣ забайкальскаго „семейскаго" или алтайскаго „каменщика", который надѣялся только на Бога и самого себя, не боялся суровой сибирской природы, умѣлъ побѣждать всѣ препятствія и затрудненія и приспособляться къ безконечному разнообразію естественныхъ, культурныхъ и экономическихъ условій Сибири. Недружелюбное отношеніе правительства къ переселенію — какъ это ни покажется страннымъ — очень способствовало подбору какъ-разъ самыхъ энергичныхъ и сильныхъ колонизаціонныхъ элементовъ. Пока переселенцамъ нельзя было ожидать ни откуда помощи, — на переселеніе въ невѣдомую Сибирь могли отважиться, дѣйствительно, только сильные и безстрашные люди. Теперь, съ средины 90-хъ годовъ, отношеніе правительства къ переселенію иное: оказываемая въ настоящее время денежная и всякая иная помощь переселенцамъ, въ до крайности преувеличенномъ видѣ представлявшаяся народному воображенію, и правительственныя распоряженія, истолковывавшіяся народными массами въ смыслѣ прямого „наклика", подняли на переселеніе гораздо болѣе слабые, и тѣломъ и духомъ, элементы; такому измѣненію въ подборѣ переселенцевъ способствовало и самое облегченіе передвиженія въ Сибирь, обусловленное возникновеніемъ пароходства по сибирскимъ рѣкамъ и въ особенности — проложеніемъ Сибирской желѣзной дороги. И если прежде переселенцы-піонеры составляли преобладаю-

щій типъ переселенцевъ, то теперь они, напротивъ, тонутъ въ сѣрой, заурядной переселенческой массѣ. „Высшій размѣръ ссуды, говоритъ уже многократно цитированный Н. Я. Новомбергскій — который, по народному убѣжденію, долженъ выдаваться каждой переселенческой семьѣ, произвелъ такой переворотъ въ настроеніи массы, что пришли въ движеніе даже наименѣе состоятельные и (что самое главное! А. К.) наименѣе рѣшительные, раньше никогда не помышлявшіе о переселеніи и связанныхъ съ нимъ трудностяхъ“...

Итакъ, теперешнее переселеніе и по характеру мѣстностей, гдѣ отводятся земли, и по всей совокупности экономическихъ условій, и въ значительной мѣрѣ, по подбору переселенцевъ, значительно отличается къ худшему отъ переселенія, какъ оно было 15 — 20 лѣто тому назадъ. И если то переселеніе, результаты котораго были выяснены изслѣдованіями первой половины прошлаго десятилѣтія, давалъ такіе, въ общемъ, сомнительные результаты и такой громадный процентъ неудачниковъ, то результаты современнаго, а тѣмъ болѣе будущаго переселенія неизбѣжно будутъ еще хуже. Вспомните приведенныя выше данныя о размѣрахъ обратнаго переселенія. 15—20 лѣтъ тому назадъ оно составляло $3^1/_2$% всего переселенческаго движенія; а между тѣмъ, даже среди вполнѣ обжившихся алтайскихъ новоселовъ того времени, дворы безъ полнаго хозяйственнаго инвентаря, пахавшіе супрягою или наймомъ, составляли 30,6%, не говоря уже о казенныхъ земляхъ Томской губерніи, гдѣ безлошадные съ однолошадными составляли 22%, а тѣмъ болѣе о Тобольской губерніи, гдѣ одна только группа безлошадныхъ достигала отъ 11,7 до 18,8%. Какой же, спрашивается, процентъ такого сельскаго пролетаріата дастъ *современное* переселеніе, если процентъ обратныхъ въ среднемъ за послѣднее пятилѣтіе достигаетъ 18,8%, почти одной пятой всего переселенческаго движенія?...

А между тѣмъ, даже о результатахъ того переселенія, которое изслѣдовалось въ первой половинѣ 90-хъ годовъ, еще нельзя составить себѣ яснаго представленія по вышеприведеннымъ цифрамъ. Выражаясь коммерческимъ языкомъ, надо сдѣлать еще *уцѣнку* этихъ цифръ, сообразно съ мѣстными условіями хозяйства. Я уже говорилъ, что лошадь или корова въ Сибири — совсѣмъ не то, что тамъ, откуда идутъ переселенцы. „Если мы примемъ во вниманіе, говоритъ одинъ много видѣвшій наблюдатель (А. М. Беркенгеймъ), что сибирскія коровы даютъ въ среднемъ меньше молока, чѣмъ коровы въ Европейской Россіи; что при трудности вспахиванія дѣвственной почвы хозяйственное значеніе лошади уменьшается,— мы легко поймемъ,

что увеличеніе средняго количества коровъ на 0,4 или 0,6 на дворъ въ дѣйствительности обозначаетъ *не ростъ* благосостоянія новоселовъ по сравненію съ ихъ бытомъ на родинѣ, а наоборотъ, *паденіе*". А десятина посѣва при томъ залежномъ хозяйствѣ, которое ведутъ переселенцы, далеко не то же, что десятина, напримѣръ, въ трехпольномъ хозяйствѣ, при сколько-нибудь достаточномъ навозномъ удобреніи, потому что первая въ гораздо меньшей мѣрѣ обезпечиваетъ крестьянину постоянный урожай. И это вѣрно даже для умѣренно-лѣсистыхъ мѣстностей Сибири, гдѣ урожаи, въ среднемъ, выше, а главное — сравнительно рѣдки неурожаи. Тѣмъ вѣрнѣе это для степной полосы Сибири, а въ особенности — для киргизскаго района. Уже въ южной части Тобольской губерніи чрезвычайно часты обусловливаемые засухами полные неурожаи, и крестьяне голодаютъ ничуть не меньше, чѣмъ въ степныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. А вѣдь чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ горячѣе печетъ солнце, тѣмъ меньше дождей, тѣмъ сильнѣе дуютъ жгучіе вѣтры средне-азіатской пустыни' тѣмъ менѣе почва похожа даже на сибирскій, тоже вѣдь „не настоящій" черноземъ. Въ конечномъ результатѣ — тѣмъ ниже средняя урожайность, и тѣмъ чаще тѣ высокіе урожаи, которые такъ манятъ переселенцевъ, смѣняются полными неурожаями. За послѣднія 35 лѣтъ общіе неурожаи въ сѣверной киргизской степи были въ 1870, 1874, 1878, 1879, 1883, 1888, 1890, 1892, 1897, 1900, 1901, а во многихъ мѣстностяхъ и въ 1902 году, не говоря о частныхъ неурожаяхъ, какіе случаются чуть не ежегодно, охватывая, то тутъ, то тамъ, болѣе или менѣе обширные районы. Сколько ни наберутъ новоселы хлѣба въ урожайный годъ, — первый неурожай съѣдаетъ всѣ запасы, и стоитъ только повториться неурожаю, — передъ новоселами всѣ ужасы голодовки, съ цынгою, продовольственною помощью и общественными работами. „Въ неурожайные года населеніе не только не имѣетъ никакихъ излишковъ для продажи, но очень часто ему не хватаетъ хлѣба для продовольствія и для обсѣмененія полей. Большинству населенія приходится продавать все, что только можно продать, приходится сильно задолжаться, существовать на счетъ частной благотворительности и правительственной помощи, а такъ какъ и того и другого бываетъ обыкновенно далеко не достаточно для полнаго удовлетворенія потребностей, то приходится и голодать... Хозяйство земледѣльческаго населенія въ такіе годы совершенно разстраивается; цынга, тифъ и другія, развивающіяся на почвѣ голода и недоѣданія болѣзни находятъ себѣ немало жертвъ", и продовольственный вопросъ въ переселенческихъ районахъ

ставится въ неурожайные годы такъ же остро, какъ и въ самыхъ голодныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. И это — въ краѣ, гдѣ пашутся однѣ только цѣлинныя земли, гдѣ притомъ дешевая аренда у киргизъ и у мало обрабатывающихъ свои огромные надѣлы казаковъ создаетъ для новоселовъ фактически, неограниченный, земельный просторъ... И то же самое, развѣ въ немного болѣе слабой степени, и въ западно-сибирскихъ степяхъ, и на прославленномъ Алтаѣ: во всѣхъ этихъ переселенческихъ эльдорадо переселенцы терпятъ, въ концѣ концовъ, все то-же самое, что терпѣли въ заволжскихъ степяхъ при втрое меньшихъ надѣлахъ, и гораздо больше, чѣмъ терпѣли гдѣ-нибудь въ Полтавской или Курской губерніи, при вдесятеро меньшемъ земельномъ надѣлѣ и вчетверо меньшихъ размѣрахъ посѣвовъ. Совершенно ясно, что посѣвная десятина у акмолинскаго или алтайскаго новосела — далеко не то, что въ мѣстностяхъ, откуда ушли переселенцы; а высокіе средніе размѣры посѣвовъ отнюдь не свидѣтельствуютъ еще о *прочномъ* благосостояніи даже тѣхъ изъ новоселовъ, которымъ удалось обзавестись полнымъ инвентаремъ и стать самостоятельными хозяевами...

Напротивъ, именно крайняя непрочность, неустойчивость этого благосостоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ — неустойчивость и самой колонизаціи, является одинъ изъ прискорбнѣйшихъ симптомовъ, не позволяющихъ вѣрить въ прочную будущность нашего переселенія.

Всего десять лѣтъ тому назадъ деревня Душкина, въ Уссурійскомъ краѣ, приводилась какъ примѣръ высокаго благосостоянія, достигаемаго въ краѣ переселенцами. Мнѣ пришлось быть въ Душкиной въ 1901 году. Это была уже жалкая деревня, съ запущенными, на добрую половину заколоченными постройками, съ развалившимися заборами, вообще со всѣми признаками разрушенія и упадка. И то же самое, гдѣ сильнѣе, гдѣ слабѣе, происходитъ во всемъ Уссурійскомъ краѣ. „Земледѣльческое населеніе, пишетъ Н. А. Крюковъ, наблюдавшій жизнь новоселовъ края лѣтъ 12—15 назадъ, — какъ старое, такъ и вновь прибывшее, стремится занимать все новыя мѣста, а старыя деревни постепенно пустѣютъ; колонизація Южно-Уссурійскаго края идетъ подобно волнамъ: хлынетъ въ какую-нибудь мѣстность волна народная, а потомъ постепенно сбѣгаетъ; но вслѣдствіе такого волнообразнаго движенія физіономія края существенно измѣняется; лѣсъ истребляется дочиста, почва истощается и зарастаетъ такими бурьянами, съ которыми труднѣе справиться, чѣмъ съ дикою цѣлиною; новому переселенцу жутко на такихъ мѣстахъ, да и заманить его трудно“... И приблизительно то же самое и въ

Западной Сибири, и на Алтаѣ, и въ особенности въ киргизскихъ степяхъ. Такъ, въ Алтайскомъ округѣ за четыре только года, съ 1889 по 1892, перекочевало съ мѣста на мѣсто 22½ тысячи человѣкъ; въ Томскомъ районѣ казенныхъ земель, среди переселенцевъ, прибывшихъ до 1889 года, семьи, уже пожившія на какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, составляли 9,6%; среди прибывшихъ въ 1891—1893 гг. — отъ 22 до 27%, т.-е. *около четверти* всѣхъ новоселовъ. Знаменитые вольные поселки въ Кустанайскихъ степяхъ начали заселяться въ 1883—1884 гг.; между тѣмъ изъ нѣкоторыхъ поселковъ уже въ неурожай 1887 г. разбѣжалось до двухъ третей всего населенія. Тысячи народа ушли изъ кустанайскихъ поселковъ въ неурожаи 1891—1892 гг.; потомъ наступили опять хорошіе урожаи—многіе изъ ушедшихъ возвратились, понабралось множество новыхъ переселенцевъ, и въ 1896 году, когда мнѣ пришлось посѣтить кустанайскій районъ, населеніе кустанайскихъ поселковъ было больше, чѣмъ до неурожаевъ, 1891—1892 гг.; но значительная часть этого населенія уже опять собиралась выселяться, отказываясь отъ приписки и отъ земельнаго надѣла...

Конечно, переходы новоселовъ съ одного мѣста на другое далеко не всегда вызываются *дѣйствительною* невозможностью жить въ тѣхъ мѣстахъ, откуда бѣгутъ переселенцы. Очень часто дѣло не въ плохой землѣ и не въ плохихъ экономическихъ условіяхъ, а въ такихъ вещахъ, какъ племенная или религіозная вражда, какъ притѣсненія староселами новопоселенцевъ; самая обыкновенная причина — просто истощеніе надѣльныхъ земель переселенцевъ и происходящее отсюда рѣзкое пониженіе ихъ урожайности; наконецъ, простая погоня за цѣлинами или ненасытное исканіе „мѣстъ получше“, приведшее уже многихъ къ окончательному разоренію. Но чѣмъ бы ни обусловливались переходы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, — разъ они начинаютъ насчитываться *тысячами* и *десятками тысячъ*, ихъ приходится признать печальнымъ симптомомъ: они показываютъ, что либо въ природѣ заселяемыхъ мѣстностей, либо въ экономической обстановкѣ, либо въ организаціи переселенія, либо, наконецъ, въ самихъ колонизаторахъ кроются какія-то неблагопріятныя условія, дурно вліяющія на результаты колонизаціи и не позволяющія видѣть въ переселеніи способа прочнаго и устойчиваго устройства.

III

Итакъ, „мечты нашихъ земледѣльцевъ о далекихъ странахъ съ необъятными пространствами свободныхъ богатыхъ земель по приходѣ ихъ на новыя мѣста разбиваются въ пухъ и прахъ, а на мѣсто ихъ появляется та же самая безотрадная, холодная и голодная дѣйствительность, выгнавшая ихъ изъ родныхъ мѣстъ въ далекія страны“...

Въ чемъ же, спрашивается, коренная причина столь сомнительныхъ уже въ настоящемъ и столь угрожающихъ въ будущемъ, по мѣрѣ выпашки цѣлинъ и обострения постепенно надвигающагося на переселенцевъ хозяйственнаго кризиса, результатовъ нашего переселенія? Само собою разумѣется, что коренныхъ причинъ этого рѣзкаго несовпаденія дѣйствительности съ мечтою нельзя искать ни въ недостаточности земельныхъ надѣловъ, ни въ тягости лежащихъ на переселенцахъ платежей; рѣшающаго значенія нельзя придавать — какъ склонны дѣлать довольно многіе — ни недостаткамъ организаціи переселенческаго дѣла, ни бѣдности переселенцевъ, ни даже суровости тѣхъ естественныхъ условій, въ которыя попадаютъ переселенцы. Конечно, переселенцы не упускаютъ случая жаловаться на „тѣсноту“ и „неудобство“ земли, и при 30-десятинномъ на душу надѣлѣ они, несомнѣнно, не такъ скоро выпахали бы свои надѣлы, какъ при 15 десятинахъ — слѣдовательно, дольше пользовались бы непочатымъ плодородіемъ цѣлинныхъ земель. Но, прежде всего, никакое прочное благосостояніе въ наше время не можетъ быть основано на сниманіи пѣнокъ съ первобытной природы, и ради достиженія *такого* идеала нельзя дѣлать изъ гонимаго „земельнымъ голодомъ“ переселенца что-то въ родѣ помѣщика средней руки. А затѣмъ — на практикѣ переселенцы въ лѣсныхъ мѣстностяхъ не используютъ цѣликомъ даже своего 15-десятиннаго надѣла, въ киргизскихъ же степяхъ тотъ фактически-безграничный просторъ, который создается легкостью аренды у киргизъ, отнюдь не гарантируетъ прочнаго благосостоянія и устойчивой осѣдлости переселенцевъ и не предотвращаетъ частыхъ, почти хроническихъ неурожаевъ и голодовокъ. О тягости платежей не приходится говорить: податные оклады переселенцевъ очень незначительны, да и тѣхъ они, въ видѣ правила, не платятъ. Я не буду отрицать наличности разнообразныхъ недочетовъ въ современной организаціи переселенческаго дѣла, въ особенности — дѣла водворенія и хозяйственнаго устройства переселенцевъ „на новыхъ мѣстахъ“;

но очевидно, что и не въ этомъ корень зла: 12 — 15 лѣтъ тому назадъ организація переселенческаго дѣла была во много разъ хуже, или точнѣе — она совершенно отсутствовала, а между тѣмъ результаты переселенія были значительно лучше. Не приходится отрицать и значенія такого обстоятельства, какъ недостаточная, въ среднемъ, состоятельность переселенцевъ. Но недостатокъ средствъ — это зло, фактически неустранимое. Мы мечтаемъ, правда, помочь дѣлу широкими ссудами, а то и безвозвратными пособіями. Но это — опять таки мечты, которыхъ дѣйствительность не можетъ оправдать: значительныя ссуды, при крайне низкой, въ большинствѣ нашихъ колонизаціонныхъ районовъ, рентабельности переселенческаго хозяйства и при крайней зависимости его отъ случайностей урожая, только обременили бы переселенцевъ непосильными платежами и послужили бы къ вящему ихъ разоренію. А безвозвратныя пособія — къ сожалѣнію, я за недостаткомъ мѣста не могу подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ — способны только усилить вліяніе тѣхъ неблагопріятныхъ для нашей колонизаціи условій, въ которыхъ, по моему убѣжденію, кроется самая суть дѣла. „Безвозмездная помощь, говорилъ одинъ изъ лучшихъ тружениковъ на переселенческой нивѣ, покойный Ф. Ф. Буссе, приноситъ весьма мало пользы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вредъ, пріучая нерадиваго хозяина расчитывать не столько на свою энергію и трудъ, сколько на подачку“. Между тѣмъ никакое казеннокоштное переселеніе не обезпечитъ переселенцевъ навсегда: какія ни дать имъ безвозвратныя пособія, все-таки черезъ пару лѣтъ наступитъ время, когда имъ придется перейти на собственное иждивеніе; для этого нужны энергія, вѣра въ самого себя и упорный трудъ, тѣмъ болѣе упорный, чѣмъ дальше колонизація проникаетъ вглубь невѣдомой тайги и дикихъ киргизскихъ степей. А безвозвратныя пособія, ослабляя мотивъ къ такому энергичному и упорному труду, тѣмъ пагубнѣе отразятся на благосостояніи новоселовъ, что вѣдь уже одна надежда на пособія и подачки способствуетъ подбору не самыхъ сильныхъ и энергичныхъ — какіе только и могли бы расчитывать на успѣхъ, а наоборотъ — гораздо болѣе слабыхъ, тѣломъ и въ особенности духомъ, элементовъ. Впрочемъ, объ этомъ дальше, а теперь я долженъ отмѣтить другую, не менѣе важную сторону вопроса о значеніи состоятельности переселенцевъ, — именно, указать на то, что вопросъ этотъ можетъ имѣть развѣ только отрицательное, а никакъ не рѣшающее положительное значеніе. Безъ средствъ, правда, весьма трудно, а то и невозможно устроиться въ глухой си-

бирской тайгѣ, гдѣ нельзя разсчитывать ни на какіе заработки и гдѣ приходится по нѣскольку лѣтъ дожидаться перваго урожая. Но вѣдь еще недавно самый „воздухъ колонизаціи“, какъ говорилъ тоже покойный Ядринцевъ, „возстановлялъ истощенныя экономическія силы народа“; другими словами, еще недавно изобильные и выгодные заработки, при дешевизнѣ жизненныхъ продуктовъ и инвентаря и при безпредѣльномъ земельномъ просторѣ, давали даже совершенно неимущимъ, но крѣпкимъ тѣломъ и духомъ переселенцамъ полную возможность скораго и легкаго обзаведенія самостоятельнымъ хозяйствомъ; а между тѣмъ, вѣдь и въ то время — мы видѣли — добрая треть переселенцевъ попадала въ ряды земледѣльческаго пролетаріата, а тысячи и десятки тысячъ переселенцевъ того времени перекочевываютъ съ одного мѣста на другое, превративъ переселеніе въ бродяжество. И при этомъ точныя статистическія данныя показываютъ, что даже наиболѣе состоятельные переселенцы даютъ очень значительный процентъ неудачниковъ, и что въ среднемъ *именно они* не только не выигрываютъ, но скорѣе проигрываютъ безъ переселенія. Въ переселенческихъ поселкахъ Томской губерніи у переселенцевъ, которые засѣвали „на старинѣ“ менѣе десятины, оказалось въ среднемъ по 2 лошади, по 1,3 коровы и почти 3 дес. посѣвной площади — это не Богъ вѣсть что, но гораздо больше, чѣмъ у нихъ было „на старинѣ“. У самыхъ же состоятельныхъ, засѣвавшихъ на родинѣ болѣе 8 десятинъ, оказалось въ среднемъ по 3,7 лошади, 2,5 коровъ, 8,7 дес. посѣва; между тѣмъ домохозяйства этой группы „на старинѣ“ имѣли въ среднемъ 3, 6 лошадей, 2, 8 коровъи 11, 5 дес. посѣва, — значитъ ихъ скотоводство, въ среднемъ, осталось почти безъ измѣненія, а запашки значительно сократились, — переселеніе, слѣдовательно, дало имъ чистый убытокъ. Ясно значитъ, что дѣло не въ средствахъ и не въ недостаткѣ средствъ...

Пожалуй, самое важное значеніе изъ всѣхъ выше перечисленныхъ условій, дурно вліяющихъ на конечный результатъ переселенія, приходится приписать неблагопріятнымъ естественнымъ особенностямъ большинства тѣхъ нашихъ окраинъ, гдѣ водворяются переселенцы; не входя въ особыя подробности, упомяну только о крайней засушливости климата западно-сибирскихъ и тѣмъ болѣе — киргизскихъ степей; о суровомъ климатѣ и болѣе или менѣе тощихъ, нерѣдко — еще не вполнѣ созрѣвшихъ для культуры почвахъ западно-и средне-сибирской тайги, или о чрезмѣрно-изобильныхъ дождяхъ и частыхъ наводненіяхъ Уссурійскаго края. Но мы сейчасъ увидимъ, что эти естественныя неудобства отнюдь не всегда неустранимы;

увидимъ также, что переселенцы, сплошь и рядомъ, причисляютъ къ „неудобію“ и забрасываютъ или обходятъ такія земли и такія мѣстности, гдѣ съ успѣхомъ хозяйствуетъ и живетъ лучше умѣющее приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ туземное населеніе. Главное дѣло, значитъ, не въ негодности земель, а въ *неумѣніи приспособиться къ природѣ и использовать ее цѣлесообразно*. А отсюда — естественно и необходимо поставить себѣ вопросъ, что же такое представляетъ собою нашъ переселенецъ, какъ колонизаторъ?...

И здѣсь дѣйствительность, къ сожалѣнію, рѣзко расходится съ мечтами. Я уже не буду говорить объ офиціальномъ нашемъ народничествѣ, для котораго „русскій духъ“ и „русская государственность“ являются, такъ сказать, самодовлѣющими благами. Но и народники прогрессивнаго направленія видятъ или по крайней мѣрѣ еще недавно видѣли „въ самостоятельномъ движеніи и самопроизвольной устроительности“ нашихъ переселенцевъ просящійся наружу „народный геній созидательнаго творчества общинной жизни по-Божески“; что же касается „русскаго крестьянина, его способности къ переселенію и приспособляемости къ новымъ условіямъ жизни“, то для многихъ это даже вовсе не вопросъ, или во всякомъ случаѣ — „вопросъ уже достаточно исчерпанный фактами нашей прошлой и настоящей колонизаціи“.

Но прежде всего, „русскій крестьянинъ“, въ частности „русскій переселенецъ“, это вѣдь не что нибудь однородное, а только собирательное названіе, подводящее подъ одну скобку представителей самыхъ разнообразныхъ типовъ нашего крестьянства, начиная отъ піонера — таёжника или трудолюбиваго латыша и бѣлорусса, и кончая переселенцемъ — ростовщикомъ или бродячимъ „кустанайцемъ“. Переселенцы, говоритъ превосходный наблюдатель, пасторъ Фрейбергъ, изучавшій бытъ новоселовъ Тобольской губерніи, распадаются на три категоріи: одна — „люди, которые послѣ серьезныхъ размышленій оставили родину, чтобы основать трудомъ новыя мѣста жительства; они никакихъ трудовъ не боятся, они знаютъ, для кого работаютъ, расчитывая на плоды своихъ трудовъ, которыми все-таки будутъ пользоваться ихъ дѣти — это самые истинные переселенцы, придающіе всему переселенческому движенію его значеніе“. Вторая категорія — „люди, никогда не принимающіеся серьезно за что-нибудь, дѣлающіе безъ всякихъ идеальныхъ цѣлей, отъ привычки, то, что и другіе дѣлаютъ, и утѣшающіе себя тѣмъ, что они Богомъ созданы для трудовъ; они работаютъ, если видятъ, что и другіе работаютъ, странствуютъ, не зная почему, если другіе это дѣлаютъ, и недо-

вольны своею судьбой, если другіе выражаютъ свое неудовольствіе"; третья категорія — это „люди, оставившіе родину, чтобы искать золотыя горы; лѣнивые къ работѣ, не будучи въ состояніи долго прожить на одномъ мѣстѣ, они непрерывно гоняются за какимъ-то эльдорадо, гдѣ они могли бы кормиться безъ всякаго труда". И, конечно, эта характеристика, берущая, естественно, лишь рѣзко выраженные типы, исходящая, притомъ, изъ одного только, правда, первостепенно важнаго, признака, не исчерпываетъ и сотой доли безконечнаго разнообразія тѣхъ типовъ, которые имѣютъ своихъ представителей среди пестрой переселенческой массы.

Я рѣшительно отказываюсь, поэтому, дать какую-либо *общую* характеристику „русскаго переселенца", но не могу не отмѣтить, прежде всего, одного существенно важнаго обстоятельства — пониженія *средняго* типа нашихъ переселенцевъ. Изслѣдователи и наблюдатели 70-хъ и 80-хъ годовъ рисуютъ намъ типъ переселенца-піонера, въ родѣ забайкальскаго „семейскаго" или алтайскаго „каменщика"; этотъ типъ, дѣйствительно, еще недавно давалъ нашему переселенческому движенію его преобладающую окраску, и вся совокупность условій тогдашняго переселенія, равно какъ и направленіе нашей переселенческой политики, способствовала подобному подбору. Пока переселенцамъ приходилось преодолѣвать, въ пути, невѣроятныя лишенія, пока, въ то же время, государство не хотѣло знать переселенія и переселяющихся,— переселялся, дѣйствительно, только тотъ, кто надѣялся на Бога и на самого себя, и только самые энергичные и безстрашные элементы могли отваживаться на переселеніе въ далекую Сибирь. Теперь путь въ Сибирь уже проторенъ; дорога, со времени проложенія сибирскаго пути, не представляетъ и десятой доли прежнихъ трудностей, а появившіеся въ концѣ 90-хъ годовъ зачатки помощи переселенцамъ, уже съ самаго начала представлявшіеся народному воображенію въ до крайности преувеличенномъ видѣ и постепенно развившіеся въ сравнительно широкую систему правительственнаго содѣйствія, подвинули на переселеніе гораздо болѣе слабые, матеріально и нравственно, элементы. Подъ вліяніемъ „преувеличенныхъ слуховъ о размѣрахъ правительственныхъ пособій, писалъ еще въ 1896 году статсъ-секретарь А. Н. Куломзинъ, на переселеніе пошелъ болѣе темный и невѣжественный людъ —„народъ пошелъ, ну и мы пошли"... Въ настоящее время это качественное измѣненіе состава переселенцевъ — фактъ, извѣстный всякому наблюдавшему переселенцевъ или имѣвшему съ ними непосредственное дѣло. „Въ этомъ отношеніи — говоритъ А. М. Беркенгеймъ, прекрас-

ный знатокъ колонизаціоннаго вопроса, вмѣшательство правительства въ переселенческое дѣло принесло отнюдь не пользу, а скорѣе вредъ. По согласному мнѣнію всѣхъ лицъ, причастныхъ переселенческому дѣлу въ Сибири, и по нашему (г-на Б.) собственному наблюденію, контингентъ переселенцевъ значительно ухудшился. Преувеличенныя надежды и мечты о пособіяхъ подняли на переселеніе такія семьи, которыя до 90-хъ годовъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы на это трудное, невѣдомое для нихъ дѣло". А по словамъ другого наблюдателя, г. Новомбергскаго, „высшій размѣръ ссуды, который по народному убѣжденію долженъ выдаваться каждой переселенческой семьѣ, произвелъ такой переворотъ въ настроеніи массы, что пришли въ движеніе даже наименѣе состоятельные и наименѣе рѣшительные, раньше никогда не помышлявшіе о переселеніи и о связанныхъ съ нимъ трудностяхъ". Правительство съ начала 90-хъ годовъ мало-по-малу пошло навстрѣчу настоятельной народной нуждѣ и значительно улучшило матеріальную обстановку нашего переселенческаго движенія. Но этимъ самымъ оно способствовало ослабленію той духовной силы, которая двигала прежними переселенцами, и чѣмъ дальше шло улучшеніе матеріальной обстановки переселенія, тѣмъ болѣе прежніе переселенцы-піонеры замѣнялись сѣрою, инертною переселенческою массой, всѣ свои расчеты строящею на подачкахъ и пособіяхъ...

Но энергія, духовная сила — это еще только одинъ изъ тѣхъ факторовъ, отъ которыхъ, въ конечномъ счетѣ, зависитъ результатъ переселенія. Другой, не менѣе важный факторъ — это знаніе и умѣнье; это тѣ пріемы сельскохозяйственной культуры, которые несутъ съ собой наши переселенцы.

Къ сожалѣнію, и тутъ въ нашемъ обществѣ и въ литературѣ распространено не мало розовыхъ иллюзій, разсыпающихся въ прахъ при столкновеніи съ дѣйствительною жизнью. Переселенцамъ приписывается благотворное вліяніе на хозяйственную культуру туземнаго населенія; отъ нихъ ожидаютъ повышенія уровня сельскохозяйственной культуры даже среди русскаго, старожилаго населенія Сибири. Какъ и почему возникли такого рода иллюзіи,— объ этомъ было бы слишкомъ долго говорить. Не послѣднюю, во всякомъ случаѣ, роль играетъ здѣсь очень обычное — да проститъ мнѣ читатель это выраженіе — невинное хвастовство переселенцевъ, которые всегда приходятъ въ Сибирь съ намѣреніемъ „научить" старожиловъ и туземцевъ, какъ надо обрабатывать землю, „показать" имъ, что̀ можетъ родить земля при „россійскомъ" хозяйствѣ и обработкѣ, развести

гдѣ-нибудь въ Енисейской губерніи яблони или вишневые сады. Но это хвастовство на дѣлѣ такъ и остается хвастовствомъ. Переселенцы, правда, сплошь и рядомъ заносятъ съ собою на новыя мѣста, а иногда и сохраняютъ, тѣ или иныя мелочи третьестепеннаго значенія. Но во всемъ, что составляетъ *сущность* дѣла, они не только *не учатъ*, напримѣръ, сибирскихъ старожиловъ, но напротивъ — *учатся* у нихъ; и иначе и не можетъ быть: при томъ же полномъ отсутствіи представленія о теоретическихъ основахъ сельскохозяйственной культуры переселенцы-новоселы не обладаютъ и тѣмъ однимъ, на чемъ зиждется хозяйство сибирскихъ старожиловъ, — именно, пріобрѣтеннымъ вѣками знаніемъ мѣстныхъ условій. Понятно поэтому, что переселенцы, вышли ли они изъ сѣверо-восточнаго полѣсья, изъ Малороссіи или изъ великорусскаго центра, перенимаютъ у старожилаго населенія Сибири и порядки захватнаго землевладѣнія, и технику экстенсивнаго земледѣлія и скотоводства. И такимъ образомъ та „власть земли“, которая на родинѣ была до сихъ поръ безсильна преодолѣть устарѣвшія хозяйственныя привычки нашего крестьянина, на новыхъ мѣстахъ очень легко мѣняетъ и кореннымъ образомъ ломаетъ эти пріемы и привычки. И это понятно: на родинѣ, чтобы улучшить свое хозяйство, крестьянамъ было бы необходимо располагать средствами и, главное, знаніями; чтобы вернуться къ первобытному хозяйству многоземельныхъ окраинъ, не требуется значительнаго капитала, а пріемы усваиваются путемъ простого подражанія и перениманія. Конечно, новоселы при такомъ хозяйствѣ попадаютъ въ худшія условія, чѣмъ старожилы: они начинаютъ вести хозяйство уже при значительно сократившемся земельномъ просторѣ, въ такое время, когда экстенсивное хозяйство и у старожиловъ начинаетъ испытывать кризисъ; они не располагаютъ богатымъ инвентаремъ и вообще хозяйственною силой старожиловъ, а главное, они не обладаютъ ихъ вѣками выработнымъ знаніемъ мѣстныхъ условій и умѣньемъ къ нимъ приспособлять свое хозяйство. И тѣмъ не менѣе для переселенцевъ — великое счастье, если они имѣютъ возможность воспользоваться опытомъ старожиловъ, и переселеніе давало наилучшіе результаты именно тогда, когда переселенцы водворялись внутри или по окраинамъ районовъ, заселенныхъ старожилами. И это не только потому, что хозяйство старожиловъ служило живымъ для нихъ примѣромъ; не только потому, что у старожиловъ они находили пріютъ и выгодные заработки, но еще и потому, что та сравнительно не обширная полоса Сибири, гдѣ сосредоточилось ея старожилое насе-

леніе, по характеру природы болѣе похожа на тѣ мѣстности, откуда шли и идутъ переселенцы: степи юго-западной Сибири — на черноземную полосу, лѣсныя мѣстности — на сѣверо-восточное полѣсье Европейской Россіи, а потому и самое приспособленіе къ новымъ условіямъ было для новоселовъ не особенно труднымъ. Чѣмъ дальше колонизація продвигается на сѣверъ и на востокъ, въ тайгу, или на югъ, въ киргизскія степи, тѣмъ труднѣе становится, во всѣхъ отношеніяхъ, для переселенцевъ. Съ одной стороны, отказывается служить сельскохозяйственный опытъ старожиловъ: либо потому, что этого опыта у переселенцевъ не оказывается передъ глазами, либо потому, что земли даннаго типа и вообще не поступали подъ земледѣльческую культуру. Съ другой стороны, рѣзко измѣняются къ худшему природныя условія, почва и въ особенности климатъ, замѣтно болѣе суровый на сѣверѣ и на востокѣ и засушливый на югѣ. Какъ будетъ складываться, въ будущемъ, таёжная колонизація — трудно сказать: массовая колонизація тайги если и возможна, то во всякомъ случаѣ является дѣломъ будущаго. Колонизація же киргизскихъ степей представляетъ достаточно безотрадную картину. „Въ 80-хъ годахъ — пишетъ г. Полферовъ, близко наблюдавшій переселенческое хозяйство или хозяйничаніе на крайнемъ западѣ киргизской степи, вблизи укрѣпленія Актюбе выросъ обширный переселенческій поселокъ; на каждый дворъ отвели по 30 дес. отличной земли; кажется, можно было хозяйничать... Но актюбинскій новоселъ иначе распорядился своимъ „вольготнымъ“ положеніемъ: черезъ 8 лѣтъ — продолжаетъ г. Полферовъ — мнѣ лично пришлось принимать участіе въ перемѣнѣ отведенныхъ участковъ, въ виду жалобъ переселенцевъ на малоземелье, при чемъ девять десятыхъ оказалось дѣйствительно, негодною выпашью, благодаря хищнической системѣ воздѣлыванія, 3—4 года подрядъ одной пшеницы. Мало того — на 30 — 40 верстъ по радіусу всюду распаханы киргизскія степи. Лѣса и талъ вырублены, луга и камыши выкошены, а кобылка, ютившаяся въ этихъ мѣстахъ, стала откладывать яички по пашнямъ и окончательно добила хозяйство новосела,— тогда послѣдній проникъ вглубь степи на правахъ арендатора и снова принялся за свое хищничество“. А вотъ наблюденія другого лица, Т. И. Тихонова, наблюдавшаго переселенцевъ на другомъ концѣ киргизскаго колонизаціоннаго района, въ Акмолинской области. „Захватно-переложное пользованіе у переселенцевъ, пишетъ г. Тихоновъ, при тонкомъ слоѣ мѣстнаго чернозема и ежегодныхъ посѣвахъ одного рода хлѣба, преимущественно пшеницы, и почти безъ плодосмѣна, рисковано и разорительно: оно ведетъ къ хищни-

ческой эксплуатаціи пахатной земли. И дѣйствительно, уже теперь недавно образованныя крестьянскія селенія, которыя по количеству и качеству земли могли бы считаться надолго обезпеченными землею, признаютъ свои пахатныя земли выпаханными, а свое существованіе мало обезпеченнымъ, а десятки тысячъ арендуемой киргизской земли, постоянные недороды, кормежки и бѣгство новоселовъ съ ихъ въ конецъ запакощенныхъ безобразнымъ хозяйствомъ земель достаточно справедливо подтверждаетъ справедливость такой характеристики хозяйства акмолинскихъ новоселовъ“... И эта характеристика безусловно совпадаетъ съ моими личными наблюденіями въ Кустанайскомъ переселенческомъ районѣ: и мнѣ пришлось видѣть здѣсь „обширныя пространства, заросшія бурьяномъ и совершенно ушедшія изъ-подъ культуры, которыя широкимъ кольцомъ окружаютъ городъ Кустанай, а также почти совершенно пустующіе „общественные“ участки поселковъ Александровскаго и Борисовскаго: и кустанайскіе мѣщане, и александровцы съ борисовцами успѣли уже (въ какіе-нибудь 10 лѣтъ!) вытянуть всѣ соки изъ ближайшихъ къ городу и поселкамъ земель и расползтись во всѣ стороны, въ погонѣ все за новыми и новыми цѣлинами“...

А между тѣмъ, сѣверная киргизская степь, наряду съ изстари заселявшимися мѣстностями Сибири, — это единственные наши колонизаціонные районы, гдѣ переселенецъ находилъ приблизительно подходящія къ его хозяйственнымъ привычкамъ и навыкамъ естественныя условія. „Пока въ западной Сибири — говоритъ весьма осторожный и вдумчивый нѣмецкій авторъ, Виденфельдъ, — было достаточно мѣста, русскій являлся почти идеальнымъ колонизаторомъ; дѣло вѣдь было только въ томъ, чтобы выносить рѣзкія колебанія погоды и въ лишеніяхъ голода (хороша „почти идеальная“ колонизація!) находить способы уравновѣшивать урожаи съ неурожаями, — задачи, которыя русскій крестьянинъ привыкъ разрѣшать и у себя на родинѣ, при чемъ нѣкоторая разница въ степени рѣзкости колебаній его мало смущала“. Другіе наши колонизаціонные районы — назову хотя бы Приамурье, Туркестанъ, Закавказье съ Черноморскимъ побережьемъ, — это, говоря словами того же Виденфельда, „мѣстности, въ которыхъ принесенныя изъ Россіи хозяйственныя привычки отказываются служить, гдѣ надо примѣнять совершенно иные хозяйственные пріемы, чтобы лишь послѣ долгихъ лѣтъ тяжелаго труда достичь успѣха; здѣсь къ энергіи и выдержкѣ колониста предъявляются такія требованія, которымъ не удовлетворяетъ средній русскій переселенецъ“...

На первый взглядъ, такая характеристика совершенно не подходитъ къ русскимъ поселкамъ Туркестанскаго края. Во время моихъ многолѣтнихъ экскурсій по переселенческимъ районамъ я нигдѣ не встрѣчалъ, среди переселенцевъ, такого всеобщаго благосостоянія и такого довольства своимъ положеніемъ, какъ въ поселкахъ Сыръ-Дарьинской области. Но внимательно всмотрѣвшись въ дѣло, пришлось прійти къ далеко менѣе утѣшительнымъ заключеніямъ какъ относительно характера ихъ сельскохозяйственной культуры, такъ — въ тѣсной связи съ этимъ — и относительно прочности достигнутаго ими благосостоянія. Крестьяне, правда, быстро и легко усваиваютъ туземную технику полива. Но въ то время, какъ жаркій климатъ края допускаетъ, а высокая цѣнность поливныхъ земель, даромъ доставшихся переселенцамъ, требуетъ того интенсивнаго хозяйства съ правильнымъ плодосмѣномъ, съ травосѣяніемъ и съ преобладаніемъ цѣнныхъ спеціальныхъ культуръ, какое ведутъ осѣдлые туземцы края и какое перенимаютъ отъ нихъ полукочевые киргизы, — крестьяне ведутъ на своихъ цѣнныхъ поливныхъ земляхъ то самое чисто зерновое, по преимуществу пшеничное хозяйство, безъ всякаго удобренія полей, какое ведется акмолинскими переселенцами при необъятномъ просторѣ и ничтожной цѣнности земли; и что̀ очень характерно — крестьяне не только не расширили культурной площади въ границахъ отведенныхъ имъ надѣловъ, но наоборотъ — они запустили не мало такихъ земель, которыя прежде обрабатывались туземцами: „такую землю только киргизскимъ омачемъ пахать — объясняли мнѣ новоселы въ одномъ поселкѣ, а нашимъ плугомъ нешто такой камень вспашешь!“

На первый взглядъ, все это совершенно нормально и естественно: разъ переселенцы признаютъ для себя выгоднымъ свое пшеничное хозяйство, — нельзя отъ нихъ ожидать, чтобы они вели какое нибудь болѣе интенсивное хозяйство. Но прежде всего, такой характеръ хозяйства ведетъ за собою огромную растрату государственнаго земельнаго богатства — одной переселенческой семьѣ приходится отводить въ нѣсколько разъ больше земли, чѣмъ было бы достаточно при господствующей въ краѣ интенсивной культурѣ. Мало того: при такомъ характерѣ хозяйства переселенцы не могутъ и не желаютъ довольствоваться даже и своими, на мѣстный масштабъ огромными надѣлами; преобладаніе малодоходныхъ зерновыхъ культуръ заставляетъ ихъ стремиться къ увеличенію своего дохода и къ использованію своего капитала путемъ того же расширенія, во что̀ бы то ни стало, размѣровъ своихъ запашекъ, какое является вездѣ, деви-

зомъ переселенческаго хозяйства; а односторонне истощающіе почву, въ особенности при отсутствіи удобренія, посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ заставляютъ новоселовъ распахивать все новыя и новыя земли, либо чтобы дать отдыхъ слишкомъ истощеннымъ надѣльнымъ пашнямъ, либо чтобы получить, въ дополненіе къ нимъ, еще не истощенныя цѣлины и такимъ образомъ повысить общую доходность своего хозяйства. И въ конечномъ результатѣ русскіе крестьяне, получившіе въ среднемъ въ 5—6 разъ больше земли, чѣмъ имѣютъ, тоже въ среднемъ, осѣдлые туземцы, чуть не съ самыхъ первыхъ лѣтъ начинаютъ ощущать все ту-же „тѣсноту“ и все то-же малоземелье. Отсюда, прежде всего, постоянныя жалобы на недостаточность надѣловъ и просьбы о прирѣзкахъ; назову хоть поселокъ Антоновскій: ему отведено 23 дес. на дворъ поливной земли, съ урожайностью не ниже самъ $9^1/_2$, — а между тѣмъ черезъ четыре года съ основанія поселка администраціи приходилось уже задумываться о мѣрахъ къ увеличенію „уже не удовлетворяющаго крестьянъ“ земельнаго надѣла. Отсюда — и широкое распространеніе аренды киргизскихъ земель: благосостояніе если не всѣхъ, то во всякомъ случаѣ многихъ поселковъ въ Туркестанскомъ краѣ уже зиждется, въ настоящее время, не столько на надѣльной, сколько на арендованной у киргизъ землѣ. А все это — очень тревожные признаки, такъ какъ арендный фондъ въ данной мѣстности, сравнительно не великъ, а съ истощеніемъ его неизбѣжно начнется или точнѣе — усилится уже начавшееся массовое бѣгство новоселовъ куда-нибудь на новыя, еще не выпаханныя земли.

Гораздо рѣзче проявляется культурная слабость нашихъ переселенцевъ въ Приамурьѣ, и въ особенности — въ Уссурійскомъ краѣ. И здѣсь, только еще рельефнѣе, чѣмъ въ Туркестанѣ, бросается въ глаза, прежде всего, необыкновенная разборчивость нашихъ переселенцевъ на землю. Такъ, вдавшійся клиномъ въ корейскія владѣнія Посьетскій участокъ, благодаря постояннымъ дождямъ и туманамъ, признается совершенно негоднымъ для русской колонизаціи, — а между тѣмъ здѣсь живетъ 15-тысячное корейское населеніе, съ цвѣтущимъ земледѣліемъ. Всякій мало-мальски замѣтный уклонъ, связная глинистая почва, едва замѣтная подмѣсь гальки въ почвѣ, — все это дѣлаетъ землю „неудобною“ для русскаго поселенца; а китаецъ или кореецъ пашетъ и „горы“, и „глину“, и „камень“, и не смущается расчисткою такого лѣса, къ которому и не подступится русскій поселокъ. Крестьяне расположенныхъ вблизи Хабаровска деревень Гаровки и Матвѣевки такъ громко прокричали о совершенной негодности

БИБЛІОТЕКА
ИМСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

отведенныхъ имъ въ надѣлъ земель, что эта негодность стала общимъ мѣстомъ у администраціи края и у мѣстной интеллигенціи; а тутъ же по сосѣдству корейцы, снабжающіе весь Хабаровскъ молочными и огородными продуктами, разработали изъ-подъ густого лѣса сплошныя полосы по крутымъ приамурскимъ увалamъ, и пашни ихъ залѣзли на такія кручи, которыя, дѣйствительно, трудно было бы предположить пригодными для культуры. Китайцы и корейцы ведутъ свое хозяйство по вѣками и тысячелѣтіями выработанному типу, необыкновенно приспособленному къ особенностямъ мѣстнаго климата, въ особенности къ чрезмѣрному изобилію дождей. Характерныя черты этого хозяйства — грядовая обработка полей съ погоднымъ чередованіемъ грядокъ, рядовой посѣвъ, крайне тщательная раздѣлка почвы, посѣвы бобовыхъ и пропашныхъ растеній, преимущественно просовыхъ; ихъ важнѣйшія послѣдствія — сбереженіе производительности почвы, бо́льшая устойчивость сѣмянъ и главное — меньшая воспріимчивость посѣвовъ къ избытку влаги и къ развивающимся, благодаря этому свойству мѣстнаго климата, грибнымъ болѣзнямъ. Китайцы — иностранные подданные; за ними не признается никакихъ правъ на занятыя и разработанныя ими земли. Поэтому, превосходныя китайскія поля безъ церемоніи, и даже особенно охотно, замежевываются въ переселенческіе участки. Переселенцы перепахиваютъ ихъ, „по-россійски“, широкими загонами, засѣваютъ ихъ изъ года въ годъ „россійскою“ пшеницей, — и чрезъ немного лѣтъ превосходныя китайскія поля приходится забрасывать изъ-за сорныхъ травъ и „пьянаго хлѣба“. Крестьяне, немного пожившіе въ краѣ, превосходно понимаютъ негодность своего, „россійскаго хозяйства“ и преимущества китайскихъ пріемовъ земледѣльческой культуры. Но они не перенимаютъ и не могутъ перенять ея, въ полномъ объемѣ, потому что китайская культура основана на такой огромной затратѣ и такой низкой оцѣнкѣ китайскаго труда, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ экономическимъ условіямъ крестьянскаго хозяйства и привычкамъ крестьянина. Китайской культуры, повторяю, крестьяне не перенимаютъ, а выработать для себя такой типъ хозяйства, который, при техническихъ преимуществахъ китайской культуры, подходилъ бы къ экономической обстановкѣ крестьянскаго хозяйства, имъ, очевидно, не подъ силу. И вотъ, уссурійскіе переселенцы придумали очень простой исходъ изъ этого безвыходнаго положенія: они сдаютъ свои земли въ аренду тѣмъ-же китайцамъ и корейцамъ, постепенно превращаясь такимъ образомъ изъ хлѣборобовъ-крестьянъ въ маленькихъ помѣщиковъ, живущихъ эксплуатаціею китайскаго или корей-

скаго труда. Еще авторъ очень интересной книги о Приморской области, бывшій мѣстный губернаторъ П. Ф. Унтербергеръ, свидѣтельствовалъ о томъ, что изъ числа крестьянъ, отдавшихъ землю въ обработку инородцамъ, часть совсѣмъ прекратила заниматься земледѣліемъ и живетъ на счетъ чужого труда. А мнѣ лично пришлось видѣть, въ окрестностяхъ Никольска и другихъ русскихъ поселеній Южно-Уссурійскаго края, десятки китайскихъ фанзъ и импаней, обитатели которыхъ взяли на себя трудъ — избавить крестьянское населеніе края отъ необходимости разрѣшать непосильную для него задачу приспособленія своего хозяйства къ своеобразнымъ естественнымъ условіямъ края; мнѣ довелось быть, между прочимъ, въ одномъ небольшомъ казачьемъ поселкѣ, вблизи станціи Иманъ, гдѣ собственными руками казаковъ было распахано, на весь поселокъ, какихъ нибудь двѣ или три десятины, не зато арендаторами-китайцами было засѣяно до 300 десятинъ, съ платою по 12 рублей или 12 пудовъ пшеницы съ десятины. А между тѣмъ, что̀ такое эта столь быстро распространяющаяся китайская аренда, что такое это забрасываніе запашки русскими поселенцами Уссурійскаго края, какъ не полное культурное пораженіе русской колонизаціи, какъ не полное признаніе ея совершеннаго культурнаго безсилія?!...

И въ заключеніе еще нѣсколько словъ о русской колонизаціи Черноморскаго побережья, гдѣ это культурное безсиліе проявилось особенно рѣзко и наглядно. „Не зная мѣстныхъ условій — говоритъ авторъ вышедшей недавно интересной книжки о Черноморскомъ побережьѣ, извѣстный земскій статистикъ Л. С. Личковъ, — не зная какъ вести здѣсь хозяйство, засельщики могли вести его только такъ, какъ вели у себя на родинѣ. Легкія почвы, требующія слабаго взрыхленія, они пахали тяжелыми плугами...; отъ глубокой задѣлки сѣмянъ поля заболачивались, сѣмена вымокали и урожай пропадалъ; на землѣ, пригодной только для винограда и табаку, засельщики сѣяли хлѣбъ; сады устраивались внѣ защиты отъ губительнаго нордъ-оста и на почвѣ, пригодной для какихъ-либо иныхъ культуръ; вырубая лѣса для сбыта, рубили ихъ тамъ, гдѣ они защищали посадки либо отъ нордъ-оста, или отъ вѣтровъ съ моря. Словомъ, дѣлали почти все наперекоръ природѣ и наоборотъ тому, какъ поступали горцы. Хозяйство не шло, новоселы проѣдались, разорялись и, убѣждаясь въ невозможности вести хозяйство въ этой трущобѣ (а эта трущоба — одинъ изъ благодатнѣйшихъ уголковъ всего нашего обширнаго отечества!), приходили въ полное отчаяніе“... И въ то время какъ еще недавно въ Черноморскомъ краѣ благоденствовало многочисленное

туземное населеніе, картина нынѣшняго состоянія края рисуется другимъ изслѣдователемъ, Клингеномъ, въ такихъ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ: „населеніе побережья не прибавлялось, а скорѣе регрессировало; колоніи прозябали, а не процвѣтали; ничтожная производительность земли, всюду жалкая культура, уныніе въ сердцахъ, вѣчные вздохи о покинутой родинѣ, бѣдность, болѣзни, общій упадокъ и одичаніе...“

Возможенъ ли однако какой-нибудь общій выводъ изъ тѣхъ характеристикъ, которыя я попытался дать на предыдущихъ нѣсколькихъ страницахъ? На первый взглядъ, конечно, нѣтъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, общаго, между завидною зажиточностью русскихъ поселеній Туркестана и Приамурья и хроническими голодовками новоселовъ западно-сибирской степи и киргизскаго края, или „унынiемъ въ сердцахъ“, этимъ конечнымъ результатомъ русской колонизаціи Черноморья. Но въ дѣйствительности — стоитъ только заглянуть поглубже, и объединяющій признакъ найдется. Во всѣхъ тѣхъ, такъ непохожихъ другъ на друга, по внѣшности, симптомахъ, которые я пытался охарактеризовать, выражается все та-же наша тяжкая болѣзнь, однимъ изъ проявленій которой приходится, въ концѣ концовъ, признать и наше малоземелье, и наше переселеніе; эта болѣзнь — наше культурное безсиліе. Мѣстами, напримѣръ въ Туркестанѣ, эта болѣзнь не вышла изъ скрытаго состоянія, и ея не замѣчаетъ не только самъ больной, но и посторонніе наблюдатели, восхищающіеся благосостояніемъ Туркестанскихъ новоселовъ; а между тѣмъ болѣзнь уже подгрызаетъ корни этого благосостоянія и неизбѣжно проявится, въ скоромъ времени, въ видныхъ и невооруженному глазу симптомахъ. Мѣстами болѣзнь также еще не ощущается самимъ больнымъ — уссурійскіе новоселы даже очень довольны тѣмъ, что имѣютъ возможность получать, не работая, крупный доходъ со своихъ надѣловъ; но врачи констатируютъ уже глубокія внутреннія разрушенія въ организмѣ, въ видѣ многочисленнаго элемента „праздныхъ людей, тунеядцевъ, нежелательныхъ особенно въ новомъ краю“. Мѣстами, какъ въ Степномъ краѣ, болѣзнь уже выразилась въ ясныхъ для всякаго острыхъ симптомахъ, въ видѣ хроническихъ голодовокъ, цынги и складываемыхъ по манифестамъ продовольственныхъ недоимокъ, или неизбѣжно породитъ такіе симптомы, какъ только организмъ перестанетъ получать искусственное питаніе въ видѣ аренды послѣднихъ запасовъ цѣлинныхъ земель. Мѣстами, какъ на Черноморьѣ, болѣзнь сразу сломила попавшій въ непривычныя и чуждыя условія организмъ, который тщетно пытаются оживить и поддержать

всякими искусственными вдыханіями и электризаціями. Но болѣзнь — *культурное безсиліе* — вездѣ одна и та же, и это надо ясно и отчетливо понять, чтобы найти въ себѣ силу и отыскать средства для того, чтобы побороть болѣзнь въ самомъ ея *корнѣ*, а не тратить ихъ на безполезную борьбу съ ея *симптомами*. И какъ вездѣ одна болѣзнь,— культурное безсиліе, такъ вездѣ радикальное средство борьбы съ этою болѣзнью — это *повышеніе нашей сельскохозяйственной культуры*, возможное конечно, не иначе, какъ на почвѣ общаго культурнаго подъема. Еще недавно, пока существовали розовыя иллюзіи относительно достигаемаго переселенцами благополучія и благосостоянія, можно было думать, что переселенія, при русскихъ условіяхъ, „составляютъ вполнѣ разумное проявленіе народнаго культурнаго консерватизма, побуждающаго крестьянина, покуда есть возможность, крѣпко держаться привычныхъ способовъ веденія хозяйства“ (Гурвичъ). Цѣлью нашего очерка было показать, что такой возможности теперь уже нѣтъ; что та самая отсталость „привычныхъ способовъ веденія хозяйства“, которая толкаетъ на переселеніе главную массу нашихъ переселенцевъ, является главною причиной и всѣхъ тѣхъ неудачъ и бѣдствій, которыя претерпѣваютъ переселенцы на „новыхъ мѣстахъ“. И та самая культурная работа, которая безусловна необходима, чтобы избавить одну, наиболѣе многочисленную часть нашего крестьянства отъ всякой необходимости переселяться,—она же, и въ такой же мѣрѣ, нужна, чтобы обезпечить прочное благосостояніе тѣмъ наиболѣе малоземельнымъ элементамъ, которыхъ благосостояніе, дѣйствительно, не можетъ быть улучшено иначе, какъ путемъ переселенія.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

„НАРОДНОЕ ДѢЛО“

газета политическая, литературная, экономическая и общественная

издается **М. Г. Коммиссаровымъ**, подъ редакціей **В. Е. Якушкина**, при ближайшемъ участіи **А. А. Мануилова** и **В. А. Розенберга.**

Газета будетъ выходить ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1. Съ пересылкой и доставкой: съ 1-го марта до конца года — **2** р. **50** к., на полгода — **1** р. **60** к., на три мѣсяца — **85** к., на одинъ мѣсяцъ — **35** к.

2. Безъ пересылки и доставки: съ 1-го марта до конца года — **1** р. **80** к., на полгода — **1** р. **10** к., на три мѣсяца — **60** к., на одинъ мѣсяцъ — **25** к.

Отдѣльные нумера газеты въ конторѣ и ея отдѣленіяхъ — по **1** к.

Редакція и контора „Народнаго Дѣла“ помѣщаются: Москва, Мал. Никитская, д. Тороповой, кв. 1. (Телефонъ 122—77).

Кромѣ конторы газеты подписка принимаются въ ея отдѣленіяхъ: при конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и при складѣ книгоиздательства „Народное Право“ (Чернышевскій пер., д. № 9, кв. № 26).

Объявленія въ газету „Народное Дѣло“ принимаются въ конторѣ и у Н. Печковской.

Съ 22-го февраля въ С.-Петербургѣ выходитъ

ВѢСТНИКЪ ПАРТІИ
НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ
КОНСТИТУЦІОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ.

Еженедѣльникъ издается подъ **непосредственнымъ руководствомъ центральнаго комитета партіи,** въ составъ котораго входятъ: В. И. Вернадскій, М. М. Винаверъ, В. М. Гессенъ, І. В. Гессенъ, кн. Пав. Д. Долгоруковъ, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, А. И. Каминка, А. А. Кизеветтеръ, Н. М. Кишкинъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, А. М. Колюбакинъ, А. А. Корниловъ, С. А. Котляревскій, А. С. Ломшаковъ, И. В. Лучицкій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. Л. Мандельштамъ, П. Н. Милюковъ, С. А. Муромцевъ, А. А. Мухановъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, Л. І. Петражицкій, И. И. Петрункевичъ, Д. Д. Протопоповъ, Ѳ. И. Родичевъ, М. В. Сабашниковъ, П. Б. Струве, Н. В. Тесленко, Н. Н. Черненковъ, кн. Д. И. Шаховской, Г. Ѳ. Шершеневичъ и Н. Н. Щепкинъ.

Въ вышедшихъ №№ помѣщены, между прочимъ, статьи: І. В. Гессена, проф. Н. И. Карѣева, проф. П. Н. Милюкова, В. Д. Набокова, А. В. Смирнова, П. Б. Струве (бывшаго редактора „Освобожденія“), доцента М. И. Фридмана, Н. Н. Черненкова и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой и пересылкой за годъ **3 руб.** до конца 1906 г.; за 6 мѣсяцевъ **1 руб. 80 коп.**: **30 коп.** въ мѣсяцъ. **Отдѣльные №№ по 10 коп.**
Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ еженедѣльника, Адмиралтейская наб., № 10, кв. 6; 2) въ Москвѣ у Ю. Г. Топорковой. Чернышевскій пер., домъ Пустошкина, кв. 26; 3) въ комитетахъ конституціонно-демократической партіи и 4) въ большихъ книжныхъ магазинахъ.
Къ одному изъ ближайшихъ №№ будетъ приложенъ стенографическій отчетъ о II съѣздѣ к.-д. партіи.
Пробный № высылается безплатно.

Редакторъ-издатель **В. Д. Набоковъ.**

Изданія „НАРОДНОЕ ПРАВО".

А.

№ 1. **Ѳ. Кокошкинъ.** Объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи. Ц. 20 коп.

№ 2. **Ѳ. Кокошкинъ.** О правахъ національностей и о децентрализаціи. Ц. 10 коп.

№ 3. **А. А. Чупровъ.** Конституціонно-демократическая партія и соціализмъ. Ц. 5 коп.

№ 4. **М. Я. Герценштейнъ.** Земельная реформа въ программѣ партіи Народной Свободы. Ц. 10 к.

№ 5. **М. Я. Герценштейнъ.** Аграрный вопросъ. Націонализація земли. Крестьянскій банкъ. Выкупная операція. Ц. 35 к.

№ 6. **Г. Ф. Шершеневичъ.** Аграрный вопросъ. Ц. 10 к.

№ 7. **А. А. Кауфманъ.** Земля и культура. Ц. 30 к.

№ 8. **А. А. Кауфманъ.** Переселеніе. Мечты и дѣйствительность. Ц. 10 коп.

Б. Серія изданій для народа.

Брошюры:

№ 1. **Н. Р.** О свободѣ личности. 2-е изд. Ц. 1 коп.

№ 2. **И. П. Бѣлоконскій.** Что такое земство, что оно сдѣлало для народа и какимъ должно быть. 2-е изд. Ц. 5 коп.

№ 3. Какъ управляются народы въ Россіи и другихъ странахъ. 2-е изд. Ц. 3 коп.

№ 4. **И. Н. Игнатовъ.** Беранже. Ц. 10 коп.

№ 5. **Т. Н. Львовъ.** Какого слѣдуетъ держаться порядка при производствѣ выборовъ народн. представит. 2-е изд. Ц. 5 коп.

№ 6. **Т. Н. Львовъ.** Что такое избирательное право, и какъ должны производиться выборы. 2-е изд. Ц. 2 коп.

№ 7. **А. А. Титовъ.** Мировые судьи и земскіе начальники. 2-е изд. Ц. 3 коп.

№ 8. **А. Курсановъ.** Какъ русскій народъ управлялся въ старину. Ц. 2 коп.

№ 9. **И. Н. Игнатовъ.** Гарибальди. Ц. 10 коп.

№ 10. Крестьянамъ. О конституціонно-демократической партіи. Ц. 1 коп.

№ 11. **И. М. Катаевъ.** Стенька Разинъ. Ц. 6 коп.

№ 12. **П. Муратовъ.** Борьба за избирательное право въ Англіи. Ц. 15 коп.

№ 13. О чиновникахъ и народномъ правленіи. Ц. 3 коп.

№ 14. **Е. И. Боголюбовъ.** Спартакъ. Ц. 5 коп.

№ 15. **Ю. Баршевъ.** Крестьянское малоземелье и способы борьбы съ нимъ. Ц. 5 коп.

№ 16. Евреи въ Россіи. Ц. 6 коп.

№ 17. **Шпирельманъ.** Земельная реформа въ Ирландіи. Ц. 5 к.

№ 18. **Т. Н. Львовъ.** Учрежденіе Государств. Думы. Ц. 5 к.

№ 19. **В. Е. Якушкинъ.** Декабристы. Ц. 5 к.

№ 20. **Ѳ. Кокошкинъ.** Областная автономія и единство Россіи. Ц. 2 коп.

№ 21. **М. Фридманъ.** Доходы и расходы русскаго государства. Ц. 8 коп.

№ 22. **Г. Ф. Шершеневичъ.** Программа партіи Народной Свободы (констит.-демократ.) въ общедоступномъ изложеніи. Ц. 5 к.

№ 23. **Г. Ф. Шершеневичъ.** Народные представители. Ц. 4 к.

№ 24. **Г. Ф. Шершеневичъ.** Конституціонная монархія. Ц. 5 к.

№ 25. **Н. Шкляръ.** Къ земельному вопросу (націонализація земли). Ц. 5 коп.

№ 26. **К. Сивковъ.** Какъ можно рѣшить рабочій вопросъ. Ц. 2 коп.

№ 27. **М. Я. Герценштейнъ.** Нужна ли крестьянамъ земля? Изъ преній въ Государственной Думѣ. Ц. 5 коп.

№ 28. **В. Якушкинъ.** Въ Государственной Думѣ о землѣ. Ц. 3 коп.

Листки.

№ 1. Вопросы и отвѣты о выборахъ народныхъ представителей. Составилъ Владиміръ Ермиловъ. Ц. за сотню 40 коп.

№ 2. О свободѣ печати. Ц. за сотню 50 коп.

№ 3. О манифестѣ 17-го октября. Ц. за сотню 80 коп.

№ 4. О манифестѣ 3-го ноября. Ц. за сотню 80 коп.

№ 5. Списокъ книгъ, рекомендованныхъ партіей Народной Свободы. Ц. 1 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ:

МОСКВА. Книжный складъ „Народное Право“. Большая Никитская, Чернышевскій пер., д. Пустошкина, кв. 26 *(денежную* **корреспонденцію** *обязательно* **направлять по адресу склада на имя Ю. Топорковой)** и магазины: „Сотрудникъ Школъ“ (Воздвиженка, д. Армандъ) и „Трудъ“ (Тверская, 38).

ПЕТЕРБУРГЪ. Бюро конституц.-демократ. партіи, Моховая 33—35. Книжный магазинъ „Трудъ“ (Невскій, 60). Книж. магазинъ „Культура“, Загородный, 28.

ОДЕССА. Книж. магазинъ **„Новое Слово“**. Дерибасовская [illegible].